23-го Іюня № 25. 1883.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ. . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.
Отдѣльн. нумера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ. . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . . . 14 руб.

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред. СПБ. Поварской пер. д. 5, кв. 11.
ПОДПИСКА
принимается въ Конторѣ—СПБ., Надеждинская, д. 19, кв. 32 а также въ книж. маг. Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ избѣжать недоразумѣній съ Китаемъ.—Во что обходится золото.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Вѣрнаго, Иркутска, Верхнеудинска, Красноярска, Війска, Казалинска и Тюмени.—Колоніи, какъ важная ступень въ развитіи человѣчества. *Дм. Завалишина.*—Жизнь и труды А. П. Щапова. *Н. Ядринцева.*—Изъ пріисковой жизни (разсказъ), *З—кова.*—Хроника жизни за недѣлю.—Отъ редакціи.—Объявленія.

БОЛЬШОЕ СОБРАНІЕ КНИГЪ

Преимущественно русскихъ, а также и иностранныхъ, большей частью за время съ половины прошлаго и до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы, всего около 6000 названій, продается за умѣренную цѣну. Адресъ: **въ Москвѣ, на Плющихѣ, въ домѣ Шундеръ, у г-жи А. А. Анучиной.** Имѣется полный каталогъ; между книгами есть не мало рѣдкихъ.

КАКЪ ИЗБѢЖАТЬ НЕДОРАЗУМѢНІЙ СЪ КИТАЕМЪ.

Изъ Иркутска въ «Нов. Время» пишутъ: „Недоразумѣнія съ китайцами въ Южно-Уссурійскомъ краѣ снова повторились. Получены извѣстія, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нѣсколько напряженномъ положеніи; но на счетъ сущности самаго недоразумѣнія извѣстно очень много и, въ то же время, почти ничего. Слухи ходятъ самые разнообразные. По однимъ источникамъ, дѣло заключается въ томъ, что китайцы, дѣйствуя противъ Кореи, самовольно заняли нѣсколько пунктовъ на нашей территоріи, выгодныхъ для нихъ съ военной стороны. По другимъ источникамъ, причину всего слѣдуетъ приписать возбужденному состоянію „манзовъ", населяющихъ Южно-Уссурійскій край. Въ печати не разъ было удостовѣрено, что манзы составляютъ ненадежный для насъ элементъ въ краѣ; они довольно многочисленны (до 40 тысячъ) и, въ случаѣ серьезныхъ столкновеній съ Китаемъ, могутъ доставить намъ нѣкоторыя хлопоты, нарушивъ спокойствіе русскаго земледѣльческаго населенія". „Если теперешніе слухи имѣютъ какое-нибудь основаніе, то его нужно искать въ безнаказанности нарушеній международнаго права, производимыхъ китайскими пограничными начальниками".

Какъ сообщаютъ наши корреспонденты, въ Иркутскѣ ходятъ разнообразные толки и даже разгарается среди мѣстныхъ гарнизонныхъ офицеровъ своего рода воинственный жаръ „побить китайца"! Въ чемъ, однако, недоразумѣнія, и дѣйствительно ли они настолько серьезны, дѣло остается темнымъ.

Вся суть—отдаленность Иркутска отъ мѣста, гдѣ международныя недоразумѣнія совершаются, т.-е. отъ Амура. Трудно провѣрить и угадать, что происходитъ за 3,000 и 4,000 верстъ. Отсюда напрасная тревога, экстренныя телеграммы въ Иркутскъ, сообщенія въ Петербургъ, дипломатическая переписка, задержки иногда торговцевъ и экспедицій въ Китай, и въ концѣ окажется, что дѣло было изъ-за пустяковъ. Пишетъ же иркутскій корреспондентъ о какой-то тревогѣ изъ-за деревни Савеловки и мнимомъ наступленіи на Посьетъ, кончившееся ничѣмъ. Всякій мелочной поводъ даетъ въ Иркутскѣ возможность распространиться необычайнымъ слухамъ и тревожить населеніе и мѣстные военные центры. Все это могло бы быть значительно ослаблено и предупреждено наблюденіемъ и изслѣдованіемъ дѣла на самыхъ границахъ. Мы писали недавно о западно-сибирской границѣ; въ восточной Сибири самая чувствительная пята—Амуръ. Для Кяхты и Забайкалья, гдѣ русское населеніе сплотилось, защита обезпечена и границы точно опредѣлены; не то на Амурѣ: здѣсь необходима бдительность и зоркій глазъ военнаго администратора, какъ и самостоятельность его.

Перенесеніе генералъ-губернаторства на Амуръ, такимъ образомъ, все болѣе вызывается обстоятельствами. Тогда амурская граница и Приморская область сосредоточатъ болѣе вниманія администраціи; взглядъ ея не будетъ разсѣеваться отъ устьевъ Лены до Уссури—поле зрѣнія слишкомъ огромное. Вся военная часть и управленіе можетъ быть перенесено изъ Иркутска, съ удобствомъ, во Владивостокъ. Правда, на Амурѣ не найдется блестящихъ баловъ, обѣдовъ, задаваемыхъ золотопромышленниками, но военнымъ людямъ этого и не потребуется. Огромныя разъѣздныя деньги и подъемныя, употребляемыя на поѣздки изъ Иркутска на Амуръ, съ семействами

и гувернантками, впередъ и обратно, какъ теперь заведено, останутся или экономіей государственнаго казначейства, или могутъ идти съ пользою на обмежеваніе границъ, на топографическія съемки, на укрѣпленіе границъ, и тѣмъ самымъ предупредить многія недоразумѣнія и тревоги. А сколько спокойствія духа сохранитъ при этомъ мѣстное начальство! Во имя всего этого, пожелаемъ же поскорѣе перенесенія восточно-сибирскаго генералъ-губернаторства на Амуръ, куда его влекутъ историческія и стратегическія цѣли. Тогда даже китайцы и американцы, зная о существованіи особаго генералъ-губернаторства и постоянной бдительности, не будутъ смотрѣть на Амуръ и сосѣднее море, какъ на пустынную страну и необитаемый континентъ, гдѣ можетъ господствовать право захвата.

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ ЗОЛОТО.

Мы не разъ касались разныхъ беззаконій и притѣсненій, чинимыхъ на золотыхъ пріискахъ, благодаря особенностямъ промысла, отсутствію наблюденій въ тайгѣ и устарѣвшему золотопромышленному уставу.

Какъ подтвержденіе того же, служитъ недавно опубликованный циркуляръ о злоупотребленіяхъ на золотыхъ промыслахъ, изданный мѣстной администраціей.

Забайкальскія областныя вѣдомости содержатъ циркуляръ генералъ-губернатора Восточной Сибири о злоупотребленіяхъ, обнаруженныхъ на золотыхъ пріискахъ. Изъ подробно исчисляемыхъ въ циркулярѣ злоупотребленій, приводимъ наиболѣе важныя: „наказанія рабочимъ налагались, не руководствуясь установленнымъ законами порядкомъ, а по простымъ заявленіямъ служащихъ промыслового управленія; оставлялись безъ изслѣдованія даже такія увѣчья, причиненныя рабочимъ при производствѣ работъ, отъ которыхъ чрезъ нѣсколько сутокъ послѣдовала смерть; пріисковая полиція опредѣляла наказанія за такія вины, за которыя опредѣленіе виновности и наказанія принадлежитъ только суду; плата за подъемное золото, вмѣсто денегъ, выдавалась рабочимъ предметами роскоши, вовсе имъ ненужными, или водкой; разсчетные листы не хранятся на рукахъ самихъ рабочихъ, а держатся въ конторахъ; служащіе, сопровождающіе рабочихъ на пріискъ, злоупотребляютъ въ удовлетвореніи ихъ пищей и одеждой, и насчитываютъ на нихъ долги свыше противъ дѣйствительной стоимости выданнаго“.

Изобличеніе этихъ злоупотребленій не въ первый разъ совершается и въ средѣ мѣстной администраціи.

Генералъ-губернаторъ Синельниковъ также издавалъ немало циркуляровъ и пробовалъ стать въ защиту населенія отъ золотопромышленной эксплуатаціи. До какой степени беззаконій доходитъ здѣсь коммерческая операція и до какой степени она лишена всякой нравственной основы, служитъ то, что иногда честные служащіе на пріискахъ отказываются отъ роли, навязываемой ими хозяевами, и вытѣсняются ими. Таковъ недавній случай, сообщенный намъ очевидцемъ, на пріискахъ Б. и С., гдѣ былъ бунтъ рабочихъ изъ-за притѣсненій ихъ. Поводомъ къ нему послужили интриги противъ выписаннаго новаго управляющаго старыхъ служащихъ. Выписанный управляющій былъ превосходный техникъ и весьма честный человѣкъ, онъ хотѣлъ поставить дѣло внѣ тѣхъ грязныхъ и возмутительныхъ способовъ наживы, какой практикуется обыкновенно при существующей системѣ. Но лишь только старые управляющіе узнали это, какъ начали интриговать и вооружать самихъ рабочихъ, мало того—усилили притѣсненія и вызвали безпорядки, чтобы во всемъ обвинить пріѣзжаго. Послѣ безпорядковъ, вынуждаемый угрозами и сопровождаемый доносами, честный человѣкъ обратился къ хозяину, молодому либеральному капиталисту, но послѣдній не могъ взять его сторону, ибо компаніоны и вся система, дававшая ему милліоны, основывались на другихъ началахъ. И честный человѣкъ долженъ былъ удалиться.

Когда потерпѣвшаго спросили: „почему онъ, уполномоченный своимъ хозяиномъ, извѣстнымъ жертвователемъ и филантропомъ, не ввелъ новыхъ порядковъ?“—тотъ отвѣчалъ: „Я не ко двору пришелся у васъ...“ Отвѣтъ характерный. Онъ показываетъ, до какой степени старые порядки и традиціи несокрушимы на пріискахъ. Въ этомъ случаѣ приходится задуматься, помогутъ ли тутъ одни циркуляры.

Здѣсь образовался цѣлый складъ промышленной системы. Мѣстнымъ экономистамъ предстоитъ разрѣшить вопросъ, какъ поставить производство такимъ образомъ, чтобы уничтожить прежній традиціонный способъ эксплуатаціи труда, т.-е. не прибѣгая къ кабальному и крѣпостному труду. Мы полагаемъ, что это возможно *). Извѣстно, что, основываемая въ Сибири, эта промышленность, обѣщая огромныя выгоды государству, въ первое же время выхлопотала себѣ особыя права и привилегіи, несуществующія ни въ какой другой области труда. Для Сибири, какъ извѣстно, все допускалось исключительное. И, вотъ, золотопромышленникъ выхлопоталъ себѣ чуть не военную власть, въ помощь онъ требуетъ команду, вольнаго рабочаго ставитъ въ такую дисциплину, которая равносильна арестантскимъ ротамъ. Въ случаѣ побѣговъ рабочихъ съ пріисковъ, онъ требуетъ, чтобы та же мѣстная власть доставила ему рабочаго на пріиски, въ силу заключеннаго контракта.

Для рабочаго, мы видимъ строжайшія обязательства и тяжкія наказанія за нарушеніе; но гдѣ же такія обязательства для другой стороны? Мы убѣждаемся, къ сожалѣнію, что ихъ не существуетъ.

Для урегулированія отношеній между хозяевами и рабочими, создана особая власть изъ горныхъ исправниковъ. Но роль ихъ также давно выяснена: они всегда находятся на сторонѣ золотопромышленника. Стало быть, здѣсь необходимо придумать цѣлый особый институтъ для контроля, въ родѣ мировыхъ судей и правительственныхъ инспекторовъ, наблюдающихъ за тѣмъ, чтобы при исключительныхъ условіяхъ труда не терпѣла личность притѣсненій и не было явныхъ злоупотребленій. Только тогда, когда будутъ независимые органы распоряженія, и циркуляры найдутъ исполнителей. Въ столичной прессѣ мы видимъ нерѣдко статьи, толкующія о важности золотаго промысла для государства и финансовъ. Весьма часто встрѣчаются передовыя статьи, говорящія о необходимости уменьшить плату съ золота, тяжкую для золотопромышленниковъ-хозяевъ, о поощреніи золотопромышленности, но весьма рѣдко мы находимъ всестороннюю кар-

---

*) Одинъ изъ подобныхъ выходовъ указанъ въ «Сибирской газетѣ», № 22.

тину „золотаго дѣла“ съ его трудовой подкладкой, очень хорошо однако извѣстной Сибири. Только принимая это во вниманіе, мы получимъ представленіе „во что обходится золото“.

ХРОНИКА.

Изъ Нерчинскаго завода намъ пишутъ: „Съ вѣстями о проектѣ реформъ по Нерчинскому горному управленію, донеся слухъ, что можетъ измѣниться и неудобный центральный пунктъ управленія, тѣмъ болѣе, что всѣ постройки въ Нерчинскомъ заводѣ, принадлежащія Кабинету, какъ-то: горное правленіе, дома горнаго начальника и его помощника, аптеки и лазарета, и нѣкоторыя др.—старье и гниль, лишь сверху подштукатуренныя, ежегодный ремонтъ которыхъ стоитъ гораздо дороже самихъ зданій, давнымъ-давно выписанныхъ на нулевую стоимость. Смѣшно сказать, но нельзя умолчать, что еще въ 1772 ученый Георги нашелъ здѣсь „много каменныхъ зданій“, тогда какъ, кромѣ сказанныхъ оштукатуренныхъ строеній, каменныхъ и признака нѣтъ, да и не существовало!

Вопросъ о перемѣнѣ центральнаго пункта *)—злоба дня существеннѣйшая и важнѣйшая для насъ, чѣмъ перемѣны, которыя, какъ сообщаютъ изъ столицы, произойдутъ по реорганизаціи нынѣ существующаго горнаго правленія, причемъ въ послѣднемъ произойдетъ одно переименованіе должностей, а тѣ же лица остаются при своихъ обязанностяхъ, лишь на большемъ содержаніи. Между тѣмъ, должно бы произойти самое коренное, необходимое измѣненіе: отдѣленіе части хозяйственной отъ технической, что, какъ извѣстно теперь возложено на горныхъ инженеровъ, послѣдствіемъ чего являются нареканія, что горные чины, прослужа здѣсь на 2 тыс. руб. содержанія въ годъ, возясь вѣчно съ каторжными рабочими, черезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ выѣзжаютъ въ столицы и покупаютъ себѣ дома или имѣнія, или же утрачиваютъ познанія по своей ученой спеціальности. Тутъ слѣдовало бы вопросъ поставить такимъ образомъ: или отдать постройку „мостовъ“ на коммерческомъ правѣ, или же, ведя дѣло по другому, необогащающему частное лицо способу, отдѣлить спеціальное дѣло отъ управленія хозяйствомъ. Организовать такое предпріятіе, какъ золотопромысловое, съ выгодой для Кабинета и удобствомъ для самаго дѣла—весьма просто: стоитъ соединить только нѣсколько близь-лежащихъ розсыпей въ одно цѣлое, какъ сгруппированы рудники по дистанціямъ, ввѣривъ технику производства добычи золота—горному инженеру, а для веденія хозяйственной части, къ нему необходимо присоединить, въ качествѣ товарища, надежнаго управляющаго, добавивъ къ тому коммисара, для ближайшаго завѣдыванія складами, и дѣлопроизводителя канцеляріи съ 2—3 писцами. А для уравненія и связи какъ этихъ двухъ сторонъ въ каждомъ промыслѣ, такъ и урегулированія дѣла по всѣмъ промысламъ, могъ бы быть назначенъ ревизоръ отъ главнаго начальника края, который постоянно и жительствовалъ бы на промыслахъ. Такимъ образомъ, каждый промыселъ управлялся бы своимъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ ревизора; высшей инспектирующей инстанціей комитета было бы уже прямо—горное отдѣленіе главнаго управленія.

Отсюда ясно, что послѣдствіемъ такой мѣры было бы то, что спеціалисты, горные инженеры, не отвлекались бы отъ своего дѣла, а обогащали бы его практическими наблюденіями и учеными выводами, тогда какъ, заправляя нынѣ и административнымъ колесомъ на промыслахъ, требующимъ мелочности, разсчета, практики житейской,—они поневолѣ забрасываютъ свою спеціальность, мѣняя ученый колпакъ на канцелярскіе счеты **), и рѣдкій избѣгнетъ искушенія подъ рогомъ изобилія... При указанной организаціи, нареканій на нихъ уже не будетъ и каждый изъ нихъ явится усерднымъ и честнымъ труженикомъ науки, само собою разумѣется, если обезпеченъ будетъ хорошимъ окладомъ, что, по слухамъ, уже и проектировано.

---

*) Власть и значеніе горнаго правленія приравнены къ губернскому.

**) На что и сами горные инженеры горячо сѣтуютъ.

Въ Иркутскѣ есть сиропитательное заведеніе для дѣвочекъ; содержится оно на средства учрежденнаго при немъ банка Е. Медвѣдниковой. Заведеніе это находится въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. Уставъ для этого заведенія и банка писался въ 1837 году; въ немъ, между прочимъ, есть §, подчиняющій его, въ высшемъ надзорѣ, генералъ-губернатору, чрезъ котораго шла отчетность банка въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ него же шли всѣ представленія совѣта банка. Попечители—трое—въ совѣтъ сиропитательнаго заведенія и банка избираются городскою думою, да, кромѣ того, почетными попечителями считаются губернаторъ и городской голова. Контроль о дѣйствіяхъ банка и состояніи заведенія предоставленъ былъ прежде городскому обществу, а со введеніемъ город. положенія—городской думѣ, которая каждый годъ избираетъ въ ревизіонную коммисію лицъ изъ гласныхъ думы. Но съ открытіемъ въ 40-хъ годахъ учрежденій Императрицы Маріи, сиропитательное заведеніе причислено къ вѣдѣнію IV отдѣленія, отъ котораго, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовалъ циркуляръ, гдѣ между прочимъ сказано, что совѣтъ заведенія непосредственно представляетъ всѣ, требующіе разрѣшенія, вопросы и отчетность въ IV отдѣленіе, представляя только копію съ отчета генералъ-губернатору, для свѣдѣнія. Контроль же оставленъ за думою, а также и выборы попечителей.

Уставъ этотъ и утвержденныя правила, какъ мы слышали, вызвали нынѣ крупныя недоразумѣнія и столкновенія.

Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ разсказана очень любопытная процедура открытія и привоза знамени Ермака.

Въ началѣ марта вернулся, изъ Березова въ Омскъ, командированный въ тобольскую губернію, по дѣламъ службы, сотникъ Ж., которому удалось привезти знамя Ермака Тимофѣевича, находившееся въ Березовѣ. До сихъ поръ, всѣ попытки по этому поводу были напрасны. Такъ, въ 1828 году губернаторъ Бантышъ-Каменскій взялъ было это знамя въ Тобольскъ, но, по жалобѣ казаковъ, потомковъ дружины Ермака, Высочайше повелѣно было возвратить знамя его владѣльцамъ.

Въ 1880 году, генералъ-губернатору Казнакову тоже не удалось перевезти знамя, такъ какъ березовская казачья сотня не была еще упразднена. Теперь же это было еще труднѣе исполнить, такъ какъ въ Березовѣ подчинена Омску лишь одна мѣстная команда; къ тому же, тобольская губернія считала знамя своею достопамятностью, а потому это знамя и было изображено на блюдѣ, преподнесенномъ Государю Императору при коронаціи.

„Акмолинскія Областныя Вѣдомости“ (№ 15) сообщаютъ, что въ Омскѣ д-ръ Путиловъ уже прочелъ одну и прочтетъ еще двѣ публичныя лекціи о питаніи мясомъ. По этому поводу, газета „Врачъ“ замѣчаетъ: „такъ какъ врачи—единственные компетентные учителя гигіены для общества, то мы искренно привѣтствуемъ полезное предпріятіе г. Путилова; и можно только пожалѣть, что чтенія врачей у насъ почему-то не въ ходу. Если мы не ошибаемся, то ближайшимъ поводомъ къ лекціямъ г. Путилова послужило бывшее въ Омскомъ госпиталѣ столкновеніе изъ-за мяса: если это такъ, то, значитъ, „нѣтъ худа безъ добра“.

Тамъ-же (№ 14) сообщаютъ, что жена уличнаго караульщика г. Омска, крестьянка Л. Кутузова, на третьемъ мѣсяцѣ беременности, преждевременно разрѣшилась отъ бремени, вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ей полицейскимъ чиновникомъ.

Въ дер. Дрокиной (14 верстъ отъ Красноярска) застрѣлился изъ револьвера 11-лѣтній мальчикъ, сынъ крестьянина, Владиміръ Терскій. Можно заключить, что самоубійство было сознательное. Войдя въ горницу, гдѣ на окнѣ лежалъ заряженный револьверъ, мальчикъ взялъ его въ руки, и обратившись къ двумъ малолѣтнимъ сестрамъ, бывшимъ тутъ-же въ горницѣ, велѣлъ имъ спрятаться подъ кровать. Когда онѣ, въ испугѣ, исполнили его приказаніе, онъ написалъ на стѣнѣ четкимъ почеркомъ свою фамилію, имя и число, и затѣмъ раздался выстрѣлъ. Пуля попала въ лобъ. Похороны этого мальчика обошлись его родителямъ въ 25 руб.—за право погребенія безъ судебно-медицинскаго вскрытія. Разрѣшеніе дано земскимъ засѣдателемъ, тѣмъ самымъ, который одно время охотился на дуэлей въ Мину-

синскомъ округѣ, исправляя должность помощника исправника и при этомъ сѣкъ мужиковъ; онъ же поилъ рабочихъ, послѣ наказанія, водкой въ сѣверной тайгѣ Енисейскаго округа, исправляя тамъ должность горнаго исправника.

Въ Енисейскомъ округѣ произведенъ замѣчательный погромъ: многолѣтніе дѣльцы—вершители судебъ этого округа, исправникъ Калининъ и помощникъ его Батаревичъ, получили телеграмму о подачѣ ими прошеній въ отставку, вслѣдствіе крайныхъ безпорядковъ, обнаруженныхъ по ревизіи предсѣдателемъ губернскаго правленія.

Минусинскъ ознаменовалъ себя также крупнымъ происшествіемъ: 17 апрѣля, когда арестанты городского острога были выпущены за обѣдомъ, вся масса ихъ (болѣе, чѣмъ 100 человѣкъ) накинулась на 8 человѣкъ арестантовъ-же изъ разряда подсудимыхъ: Конькова, Базарова и другихъ, и въ нѣсколько минутъ превратила ихъ въ окровавленныя, полуживыя массы. Караулъ оказался совершенно безсильнымъ унять бойню, а караульный унтеръ-офицеръ прямо объяснилъ, что онъ не считалъ возможнымъ употребить штыки и выстрѣлы противъ остервѣнившейся толпы, изъ опасенія, чтобы при малочисленности караула, онъ не былъ перебитъ поголовно. Пострадавшіе арестанты увезены въ больницу; жизнь нѣкоторыхъ въ опасности. Причиною такого звѣрства арестанты представляютъ слѣдующія обстоятельства: избитые ими арестанты принадлежали къ числу заматорѣлыхъ острожныхъ субъектовъ и имѣли на весь острогъ, деспотическое вліяніе; каждое нарушеніе ихъ приказаній наказывалось смертью. (Передъ тѣмъ, въ острогѣ были случаи убійства). Эти же арестанты сдѣлали подкопъ, обнаруженный наканунѣ, и одинъ изъ нихъ, желая раздѣлаться съ доносителями, имъ заподозрѣнными, добылъ въ кухнѣ ножъ, который и отточилъ для предстоящей расправы.— Когда арестанты узнали объ этомъ, то порѣшили разсчитаться съ нимъ и его товарищами разъ навсегда. Къ этому присоединился еще мотивъ возмездія: трое изъ этихъ арестантовъ, дня за два передъ тѣмъ, пробравшись въ женское отдѣленіе, изнасиловали арестантку. При осмотрѣ арестантки, вполнѣ констатированъ гнусный фактъ совершеннаго надъ нею насилія: на шеѣ найдены слѣды пальцевъ отъ душенія за горло, и сама она оказалась въ безсознательномъ состояніи.

Въ Устькаменогорскѣ, какъ пишутъ, устроенъ клубъ для скандаловъ. 14 апрѣля, въ великій четвергъ, когда православные молились въ церкви, нѣкій г. Ч., купно съ г. З., вломились въ клубъ, будучи подъ вліяніемъ Бахуса, и начали требовать угощеній изъ буфета. Такъ какъ день былъ „неклубный", то жена буфетчика (самъ буфетчикъ былъ въ отлучкѣ) замѣтила гостямъ, что буфетъ закрытъ. Произошли недоразумѣнія, кончившіяся тѣмъ, что г. Ч. поколотилъ ни въ чемъ неповинную женщину. 1-го мая, ночью, тотъ же г. Ч. произвелъ настоящую „бомбардировку" клуба. Явившись „еле можаху" въ клубъ, г. Ч. позволилъ себѣ „не принятое въ образованномъ (?) обществѣ поведеніе", за что и увезенъ былъ изъ клуба; но черезъ нѣсколько времени г. Ч. явился и встрѣтилъ у дверей полицейскаго, который охранялъ входъ въ клубъ; проникнувъ силой въ клубъ, г. Ч. разругалъ всѣхъ, особенно кого нужно было, сломалъ билліардный кій на спинѣ одного изъ членовъ собранія, и когда былъ удаленъ, то началъ швырять въ окна зданія камнями и вышибъ почти всѣ стекла. Бывшая въ собраніи публика, въ страхѣ, не знала, куда дѣться, и боялась показаться на улицѣ до утра, пока семь человѣкъ полицейскихъ не взяли смѣлаго бойца.

Намъ сообщаютъ изъ Казалинска: «Въ непроглядныхъ степяхъ Азіи находятся ловкіе фокусники, проворствомъ и искусствомъ превосходящіе европейскихъ знаменитостей въ родѣ Боско и другихъ.

«Недавно, изъ Петроалександровска въ Казалинскъ былъ присланъ пакетъ для отправки его эстафетой въ Ташкентъ. Пакетъ заключалъ въ себѣ жалобы одного петроалександровскаго купца на акцизнаго надзирателя. Податель жалобы заявлялъ, что акцизный надзиратель неоднократно вымогалъ у него деньги, а также бралъ съ него взятки виномъ; въ подтвержденіе заявленій были приложены документы, писанные рукою акцизнаго надзирателя, изъ коихъ, по словамъ подателя, было очевидно, что надзиратель неоднократно выманивалъ деньги; жалоба эта была адресована на имя начальника края. Въ Казалинской почтовой конторѣ жалобу приняли, задѣлали, какъ эстафету, въ постъ-пакетъ, запечатали, приложили пломбу и, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, отправили съ проѣзжавшимъ казалинскимъ судьей М.; г. М., проѣхавъ нѣсколько станцій, передалъ, гдѣ слѣдовало, эстафету смотрителю одной изъ станцій, а послѣдній—съ нарочнымъ отправилъ ее въ Ташкентъ.

Получается эстафета въ Ташкентѣ, дежурный чиновникъ осматриваетъ ее: печать цѣла, пломба цѣла, веревки цѣлы, постъ-пакетъ также цѣлъ, нигдѣ не разорванъ; затѣмъ, по обыкновенію, вскрываютъ постъ-пакетъ, который, къ всеобщему изумленію, оказывается пустымъ. Жалоба и документы, дорогой отъ Казалинска до Ташкента, куда-то улетучились! Изобрѣтатель фокуса до сихъ поръ не найденъ».

Мы слышали, что иркутскому полиціймейстеру Тягунову предложено оставить постъ. Дѣйствительно, безпорядки и безобразія въ городѣ Иркутскѣ давно возбуждаютъ вниманіе къ себѣ даже издали. Все это не могло миновать вниманія управляющаго губерніей, генерала Носовича, уже зарекомендовавшаго себя въ Иркутскѣ искреннимъ желаніемъ заботиться о нуждахъ города и округа.

Въ одномъ глухомъ мѣстѣ Сибири, однимъ лицомъ изобрѣтена, говорятъ, остроумная фраза: «я васъ заставлю познакомиться съ мѣстами, гдѣ добываются клыки!» (вѣроятно мамонтовые, добываемые на устьѣ Лены). Будемъ заносить эти типическія сибирскія выраженія въ областной словарь. Авось изъ нихъ накопится лексиконъ.

Недавно было напечатано во многихъ газетахъ извѣстіе, что извѣстный Сибири Д. И. Завалишинъ, поскользнувшись, упалъ съ лѣстницы и сильно ушибъ голову; это повело ко многимъ запросамъ о состояніи его здоровья. Мы можемъ по этому поводу передать достовѣрное извѣстіе, которое съ удовольствіемъ помѣщаемъ, что благодаря сильному организму, чувствительный ушибъ не имѣлъ у Д. И. ни одного изъ тѣхъ послѣдствій, какихъ боялись и ожидали доктора; у него не было ни малѣйшихъ признаковъ даже лихорадочнаго состоянія, и несмотря на мучительную операцію, онъ не выходилъ ни на минуту изъ нормальнаго своего состоянія, а продолжалъ на другой же день свои обычныя занятія, былъ вполнѣ здоровъ, и только не могъ нѣкоторое время, пока продолжались перевязки, выходить изъ дому.

Получено редакціею «Восточнаго Обозрѣнія» изъ Нерчинска, въ пользу нуждающихся студентовъ-сибиряковъ, учащихся въ С.-Петербургѣ, отъ главноуправляющаго Дарусинскими и Жарчинскими пріисками товарищества бр. Бутиныхъ, Всеволода Ивановича Безсонова, 120 руб.

Деньги переданы по назначенію.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Вѣрнаго (корресп. „Вост. Обозр."). Какъ нѣкогда турки, такъ теперь и китайцы начинаютъ добывать себѣ инструкторовъ изъ германской арміи и флота. Говорятъ, что нѣсколько офицеровъ прусской арміи и флота заключили уже съ китайскимъ правительствомъ формальныя условія на занятія по инструкторской части въ китайскихъ войскахъ, а для этого получили отъ своего начальства годовой отпускъ.

Китайскій панцырный корветъ перваго ранга „Тинъ-юэнъ", выстроенный близъ Штетина и спущенный со стапеля въ концѣ 1881 года, нынѣ оконченъ вооруженіемъ и будетъ отправленъ въ китайскія воды подъ командою одного прусскаго капитана и шести другихъ прусскихъ офицеровъ, при 200 челов. военной прусской команды.

Съ ними, для обученія во время плаванія, отправляются и китайскіе моряки-офицеры.

По просьбѣ пекинскаго кабинета, увольняются на службу въ Китай также нѣсколько минныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, для обученія сыновъ Небесной имперіи минному искусству.

Въ этомъ году будутъ производиться опыты, въ большихъ размѣрахъ, разведенія шелковичныхъ червей въ г. Вѣрномъ и укр. Борохудзирскомъ, гдѣ подготовлено уже къ тому значительное количество тутовыхъ деревьевъ: въ Вѣрномъ до 30 тысячъ и въ Борохудзорѣ до 10 тысячъ, собственно въ казенныхъ садахъ. Кромѣ того, множество шелковицы разведено и частными лицами, въ особенности въ г. Вѣрномъ, гдѣ даже обязательна для жителей посадка за городомъ, на участкахъ, извѣстнаго количества тутовыхъ деревьевъ.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“), 1 мая. Дѣла гг. Бутиныхъ все еще не устроены окончательно. Извѣстно, что при учрежденіи администраціи, М. Д. Бутинъ сильно добивался попасть въ число администраторовъ. Кредиторы на это не согласились, совершенно основательно разсуждая, что администрація учреждается именно потому, что настоящіе хозяева дѣла не могли или не умѣли съ нимъ справиться, и что самый фактъ учрежденія администраціи, т.-е. передачи дѣла въ распоряженіе кредиторовъ, предполагаетъ уже устраненіе отъ него должника. Тѣмъ не менѣе, кредиторы предоставили г. Бутину участвовать въ совѣщаніяхъ администраціи. Но, вотъ, получается здѣсь телеграмма московскихъ кредиторовъ, что они вполнѣ довѣряютъ г. Бутину и избираютъ его въ администраторы. Съ чего они вздумали послать такую телеграмму, Богъ ихъ знаетъ; но очевидно, что они сами не сознавали хорошенько, что дѣлаютъ. Законъ предоставляетъ учрежденіе администраціи наличнымъ, а не отсутствующимъ кредиторамъ, слѣдовательно, они въ этомъ вопросѣ не могли имѣть голоса. Кромѣ того, чтобы рѣшить вопросъ объ администраціи и о томъ, кому удобнѣе распоряжаться дѣлами ея, необходимо ближайшее знакомство съ этими дѣлами, что для отсутствующихъ немыслимо. Но этой телеграммой они дали г. Бутину поводъ настоятельно требовать прямаго участія въ распоряженіи дѣлами, и въ этомъ онъ нашелъ себѣ союзника.

Вопроса о порядкѣ веденія дѣла, въ сущности, теперь быть не можетъ. Вопросъ этотъ уже разрѣшенъ учрежденіемъ администраціи; если администрація найдетъ нужнымъ возбудить его снова, то это уже ея дѣло, а не отдѣльныхъ личностей изъ кредиторовъ, которые могутъ только заявлять свои мнѣнія при разсмотрѣніи отчетовъ администраціи, или приносить жалобы на ея дѣйствія. Но если и допустить ихъ право на возбужденіе этого вопроса, то въ чемъ можетъ онъ состоять? Въ томъ, чтобы допустить г. Бутина къ участію въ дѣлахъ въ качествѣ администратора? Но, не говоря уже о нелѣпости этой мысли собственно въ юридическомъ смыслѣ, нужно еще обратить вниманіе и на практическое ея значеніе. Одно изъ двухъ: или нынѣшніе администраторы останутся на своихъ мѣстахъ, и тогда между ними и г. Бутинымъ будутъ безпрерывныя пререканія, такъ какъ различіе взглядовъ ихъ достаточно обнаружилось и въ настоящее время; или же нынѣшніе администраторы откажутся, и тогда вмѣсто нихъ попадутъ люди, апатично относящіеся къ дѣлу и готовые подчиняться всѣмъ требованіямъ г. Бутина; но тогда—для чего и администрація, если вся распорядительная власть перейдетъ къ тому же г. Бутину? Повидимому, только этого и нужно. Г. Бутинъ, хлопоча объ администраціи, очевидно предполагалъ, что она будетъ состоять только въ разсрочкѣ платежей, а тамъ все пойдетъ по старому; но онъ ошибся въ разсчетѣ. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были другіе администраторы, при участіи г. Бутина, результатъ будетъ одинъ и тотъ же: администрація будетъ продолжаться до безконечности. При бутинской системѣ веденія дѣлъ, поправить ихъ невозможно; придется учредить конкурсъ; но учредить его можно только или по единогласному рѣшенію администраторовъ, а такого рѣшенія при участіи г. Бутина никогда не состоится, или большинствомъ двухъ-третей голосовъ кредиторовъ; а какъ можетъ составиться это большинство, когда оно находится внѣ Иркутска?

Здѣсь много толкуютъ о возможности войны съ Китаемъ. Мѣстные политики доказываютъ, что эта война неизбѣжна. Россіи, видите ли, необходимо поправить свои финансы. Мы нападемъ на китайцевъ съ трехъ сторонъ, разгромимъ ихъ и затѣмъ сдуемъ съ нихъ громадную контрибуцію. На словахъ, все это очень легко дѣлается. Хороша и финансовая система. Нравственное развитіе нашихъ политиковъ, какъ видно, не уступаетъ умственному.

Забайкальская область, г. Верхнеудинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Одно изъ главныхъ неудобствъ нашей сибирской жизни заключается въ неисправности почтъ, что является слѣдствіемъ недобросовѣстнаго отношенія въ дѣлу лицъ, служащихъ въ почтовомъ вѣдомствѣ. Конечно, губернскіе почтмейстеры, имѣющіе бо́льшую власть, нежели другіе служащіе въ этомъ вѣдомствѣ, большею частію злоупотребляютъ этой властью, эксплуатируя въ свою пользу лицъ, зависящихъ отъ нихъ. Принимать взятки у насъ считается самою обыкновенною вещью. Подрядчикъ почтовыхъ лошадей, уплативъ сколько слѣдуетъ уѣздному и губернскому почтмейстерамъ и станціонному смотрителю, освобождается отъ принятыхъ на себя по контракту обязательствъ, т.-е. вполнѣ гарантируетъ себя отъ вмѣшательства почтоваго начальства. Проѣзжающіе по почтовымъ дорогамъ испытываютъ ужасныя неудобства, а если вздумаютъ заявить объ этомъ почтовому начальству, то ихъ жалобы остаются безъ послѣдствій; что же касается доставленія различныхъ посылокъ, то мы получаемъ ихъ почти всегда испорченными, даже сгнившими. Случается, что почта лежитъ по мѣсяцу на станціяхъ, какъ это было въ 1881 году по круго-байкальскому тракту. Подрядчики-евреи, получивъ съ казны условленную плату, поставляли плохихъ лошадей, не заботясь объ ихъ прокормленіи, такъ что лошади довольствовались подножнымъ кормомъ. Вслѣдствіе этого, почту пришлось бы ждать неопредѣленно-долгое время, еслибъ компанія Байкальскаго пароходства не выслала за нею свой пароходъ. Нѣкоторые губернскіе почтмейстеры особенно отличаются умѣньемъ устроивать свои дѣла и наживать капиталъ; напр., г-нъ Т. путемъ придирокъ, устранялъ подрядчика, неимѣющаго возможности дать ему взятку, а доставленіе лошадей и хозяйственную часть на станціяхъ принималъ на себя. Всѣ расходы, сдѣланные имъ, имѣли законные доводы, хотя содержаніе лошадей обходилось гораздо дороже той цифры, которую казна платила подрядчику.

Въ отношеніи богатыхъ подрядчиковъ, г-нъ Т. дѣйствовалъ иначе: смотрителемъ на станціи онъ назначалъ одного изъ числа своихъ прислужниковъ, который притѣснялъ всячески подрядчика до тѣхъ поръ, пока послѣдній не отправлялся къ губернскому почтмейстеру съ подаркомъ и съ просьбою освободить отъ такого смотрителя. Почтмейстеръ, смотря по обстоятельствамъ, переводилъ своего фаворита на другую станцію, гдѣ продѣлывалось то же, а сюда назначалъ другого, который такимъ же способомъ переводился еще куда нибудь. Такіе переводы происходили очень часто и доставляли г-ну Т. большой доходъ.

Въ настоящее время, у насъ, почти по всей Восточной Сибири, должности уѣздныхъ почтмейстеровъ, ихъ помощниковъ, пріемщиковъ и станціонныхъ смотрителей заняты очень неинтеллигентными лицами, получившими эти мѣста по протекціи, со врученіемъ кому слѣ-

дуетъ установленной платы. Большая часть нашего общества уже настолько свыклась съ этими порядками, что смотритъ на это, какъ на неизбѣжное явленіе. Остается пожелать, чтобы преданые мною гласности факты не остались безъ послѣдствій, т. е. принесли бы благотворные результаты.

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ послѣднее время, наша губернія богата событіями. Въ самомъ Красноярскѣ, что ни день, то либо крупная кража, либо разбой, либо убійство. О кражахъ говорить не стоитъ. Составляя у насъ заурядное явленіе, кража вообще не обращаетъ на себя общественнаго вниманія; воры преслѣдуются полиціею только тогда, когда попадаются на мѣстѣ преступленія, да и то, въ концѣ-концовъ, по рѣшеніи дѣла (какъ-то искусно полиція ведетъ слѣдствія), оставляются въ сильномъ подозрѣніи. Другое дѣло—разбой и смертоубійство. Какъ ни индифферентно общество къ дѣйствіямъ полиціи, а невольно проникается чувствомъ ужаса и негодованія при видѣ полицейской неумѣлости въ розыскахъ убійцъ и грабителей, совершающихъ свои подвиги вполнѣ безнаказанно. Такъ, на страстной недѣлѣ цѣлая шайка вооруженныхъ грабителей, съ масками на лицахъ, забралась въ домъ одного еврея-барахольщика (тряпичника), перевязала пять человѣкъ семьи и, бросивъ ихъ въ подполье, спокойно совершила грабежъ. На второй день Пасхи убиты въ собственномъ домѣ еврей-ростовщикъ и его кухарка, также съ цѣлью грабежа. Преступники ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не обнаружены *).

Канскъ (корресп. „Вост. Обозр.“), 21 апрѣля. Наши банковскіе дѣльцы и общественные воротилы достойнымъ образомъ проявили свою дѣятельность, напоминающую, хотя въ небольшихъ сравнительно размѣрахъ, дѣятельность Рыкова и К°. Разница, впрочемъ, только въ суммѣ хищенія, а не въ формѣ, которая замѣчательна не менѣе Скопинскаго гешефтмахерства... Мы говоримъ о крахѣ нашего городскаго банка, выразившемся въ растратѣ значительной части его капитала. Произведенная, по иниціативѣ новаго городскаго головы г. Тимофѣева, строгая ревизія банковыхъ суммъ и отчетности обнаружила недостатокъ въ 32.408 руб., въ числѣ которыхъ 18.378 руб. 41 коп. оказались въ безвѣстномъ отсутствіи, а 14030 руб. взяты на свои потребности директоромъ, г. I—нскимъ и взамѣнъ ихъ найденъ въ кассѣ скромный, смиренно сложенный векселекъ, который, однако, когда ревизоры отказались признать его легальное достоинство, внезапно расхрабрился и заговорилъ имъ строгимъ тономъ: „Потише, любезные! Это вовсе не то, что вы подразумѣваете... Норма тутъ не причемъ. Крадутъ не такъ, да и то съ рукъ сходитъ“. И какъ бы вы полагали?—голосъ векселя оказался всесильнымъ, и члены городской думы постановили взыскать по немъ деньги установленнымъ порядкомъ (постановленіе на 15 апрѣля). Протестовалъ одинъ только иниціаторъ ревизіи, г. Тимофѣевъ, представивъ о своемъ протестѣ донесеніе губернатору. Съ своей стороны и г. I—нскій послалъ телеграмму, обвиняя г. Тимофѣева въ подрывѣ довѣрія къ банку, въ непониманіи банковыхъ гешефтовъ и т. д. Однако факты, обнаруженные ревизіонною коммисіею, осилили самоувѣренный тонъ „дѣльца“. Ожидается слѣдствіе.

Постановленіемъ думы на 15 апрѣля констатированы слѣдующіе крупные факты: касса банка никогда не повѣрялась, такъ что въ кассовой книгѣ имѣются только при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ подписи директора, г. I—нскаго, и товарища его, г. К. Выдано 1000 руб. г. I—нскому въ ссуду, подъ учетъ векселя, даннаго ему отставнымъ чиновникомъ Михаиломъ Васильевымъ; насколько этотъ вексель надеженъ, можете судить изъ того, что для взысканія по немъ денегъ, г. Васильевъ разыскивается черезъ публикацію. Въ гроссъ-бухѣ за 1881 и 1882 гг. не оказалось никакихъ цифръ и ни одной подписи. Выдано г. I—нскому, подъ учетъ векселей разныхъ лицъ, 3,500 руб.; но ни денегъ на приходѣ, ни векселей на лицо по самымъ тщательнымъ розыскамъ не оказалось (о розысканіи придется также, вѣроятно, печатать публикацію въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“). Учтено банкомъ векселей, по дисконтировкѣ г. I—нскаго, на 11,030 руб., внѣ всякихъ банковыхъ правилъ (цифра эта, по всему вѣроятію, впослѣдствіи будетъ присчитана къ общей суммѣ растраты, такъ какъ векселя рѣшительно безнадежные). Въ концѣ-концовъ, изъ 50,000 руб. актива, въ сундукѣ оказалось на лицо: три золотыхъ полуимперіала, облигація восточнаго займа на 100 руб., съ 16-ю купонами, и квитанція, выданная бывшимъ городскимъ головой г. Бурмакинымъ, въ полученіи отъ г-жи Игумновой, въ пользу банка, 25 руб. (вмѣсто денегъ-то; впрочемъ и 25 руб. деньги; судите по одному этому факту).

Какъ и слѣдовало ожидать, эффектъ вышелъ полный. Г. Тимофѣевъ, при содѣйствіи полиціи, тотчасъ же приступилъ къ описи имущества виновныхъ, но былъ остановленъ въ дѣйствіяхъ постановленіемъ думы, которая пожелала удовольствоваться внесенными г. I—нскимъ 7,000 рублями въ обезпеченіе растраты (изъ 50,000!) и двумя векселями, отъ 15 апрѣля, срокомъ на 8 мѣсяцевъ и 15 дней: однимъ въ суммѣ 5000 руб., выданнымъ г. Кузьминымъ (товарищемъ директора банка, г. I—нскаго) г. Тимофѣеву (членъ банка) и отъ послѣдняго первому на 6,400 руб. При этомъ, бывшій городской голова г. Бурмакинъ предложилъ, въ присутствіи члена городской управы г. Шахматова, гласныхъ и полицейскаго надзирателя, г. Тимофѣеву, чтобы онъ взялъ отъ товарища директора г. Кузьмина безденежный вексель и записалъ бы его въ книгу заднимъ числомъ... Но когда г. Тимофѣевъ съ негодованіемъ отвергнулъ подобное предложеніе, то г. Бурмакинъ позволилъ себѣ нанести ему оскорбленіе на словахъ, назвавъ его человѣкомъ злымъ, съ вреднымъ направленіемъ. Объ этомъ г. Тимофѣевымъ составленъ надлежащій актъ.

Вотъ вамъ иллюстрація нравовъ нашего захолустья. Но что всего изумительнѣе,—общество вооружилось противъ г. Тимофѣева за его энергичныя дѣйствія...

Бійскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Послѣдніе, 70-е годы, ознаменовались въ нашей губерніи небывало—открытыми подкупами и торгашествомъ. Одинъ помощникъ исправника, нѣкто Коршуновъ, благопріобрѣтшій огромныя средства по службѣ отдѣльнымъ засѣдателемъ на Алтаѣ, былъ уволенъ былъ къ общему благу и чрезъ нѣкоторое время попалъ прямо въ Барнаульскіе исправники. Но ослабъ въ губернской машинѣ винтъ—и разсыпалась вся машина. Явились новые люди изъ Тобольской, Енисейской и Иркутской губерній. Тюменскій столоначальникъ сѣлъ помощникомъ исправника, журналистъ контрольной палаты—засѣдателемъ, а бывшій волостной писарь, Н—гонскій—исправникомъ въ Бійскѣ. Послѣдній исправничалъ нѣкоторое время въ Барнаулѣ, гдѣ собственно ничѣмъ не заявилъ себя, вѣроятно потому, что въ Барнаулѣ и заявлять-то себя либеральнымъ, когда все проникнуто наживой, неудобно. Но, вотъ, Н—гонскій попадаетъ въ Бійскъ. Онъ всюду появляется, въ магазинахъ дѣлаетъ огромныя закупки, играетъ въ карты, смѣется надъ своимъ пятисотъ-рублевымъ проигрышемъ, порицаетъ порокъ, трактуетъ о новой порѣ самоотверженнаго служенія обществу, подозрителенъ къ старымъ чиновникамъ, разсказываетъ съ красивымъ

*) До настоящаго времени также не обнаружена шайка разбойниковъ, ограбившая въ прошломъ году домъ чиновн. Костинскаго. Шайка была тоже замаскирована и вооружена. Жена Костинскаго и теперь больна отъ нанесенной ей въ грудь огнестрѣльной раны.

негодованіемъ объ отверженныхъ имъ преступныхъ предложеніяхъ, словомъ, исправникъ—душа общества, и до того увлекъ его, что даже поклонники добраго стараго времени начали восклицать: вотъ, что значитъ человѣкъ образованный! Но не прошло еще и полгода, а многимъ довелось пристальнѣй взглянуть на либеральнаго исправника. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за переводомъ Н—гонскаго въ Бійскъ, въ здѣшнюю полицію посыпались, какъ будто изъ рога обилія, векселя, счеты и другія обязательства, подписанныя Н—кимъ въ прежнихъ мѣстахъ его служенія. Вмѣсто того, чтобы догадаться тутъ-же, въ чемъ дѣло, всѣ съ сочувствіемъ отнеслись къ бѣдняку, но, къ сожалѣнію, онъ самъ испортилъ все. На выражаемое ему соболѣзнованіе по поводу его неоплатныхъ долговъ, онъ легкомысленно заявилъ, что предъявленные ко взысканію съ него долги—пустяки; впереди будетъ еще не то, но что больше четвертой части получаемаго имъ жалованья съ него взять нельзя. Тутъ только бійцы сообразили, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, а либеральный исправникъ приготовился уже раскланяться: взявъ копію съ формуляра, онъ выѣзжаетъ въ Томскъ, вѣроятно, съ цѣлью перебраться въ новое мѣсто, гдѣ можно было бы продолжать проповѣдь о самоотверженномъ, безкорыстномъ служеніи обществу.

Казалинскъ (корр. „Вост. Обозр.“). Проѣзжающаго черезъ Казалинскъ, поражаетъ убожество глиняныхъ мазанокъ такъ-называемой „жительской слободы“. Покосившіяся стѣны этихъ ветхихъ строеній угрожаютъ опасностью для ихъ жильцовъ. Здѣсь пріютились раззорившіеся переселенцы послѣ безплодной 40-лѣтней борьбы съ природою и цѣлымъ рядомъ обрушившихся на нихъ невзгодъ. То-ли они надѣялись встрѣтить, когда поселились на Сыръ-Дарьѣ, на привольныхъ мѣстахъ! Продолжая кое-какъ копать землю, они съ трудомъ заработываютъ на семью отъ 200 до 250 рублей въ годъ. Нѣутѣшительнымъ явленіемъ въ данномъ случаѣ можно признать тотъ фактъ, что подобные результаты получаются отъ большей части русскихъ эмиграцій. Такъ, напримѣръ, въ конецъ раззорились саратовскіе и самарскіе выходцы, переселившіеся въ юго-восточную полосу Акмолинской области, не упоминая о несчастныхъ выходцахъ на Амуръ, частью погибшихъ, частью возвратившихся на старину. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, правительство всячески старалось ограничить стремленіе крестьянъ къ переселеніямъ, но остановить его совсѣмъ не могло вслѣдствіе густоты населенія, доходящей во внутреннихъ малоземельныхъ губерніяхъ до того, что душевой надѣлъ не превышаетъ $^1/_4$ части десятины. Извольте на такомъ клочкѣ земли вести трехпольную систему хозяйства и заплатить недоимки, накопившіяся за старые годы, да прокормить семью. Въ отношеніи неудачъ, постигшихъ казалинскихъ переселенцевъ, нельзя сказать, чтобы они были безусловно правы. Недостатокъ заработковъ, общая дороговизна, скудность надѣловъ и полное истощеніе почвы составляютъ главные мотивы переселеній. Задумавъ переселеніе, крестьяне обыкновенно отряжаютъ ходоковъ, на обязанности которыхъ лежитъ долгъ облюбовать мѣста, т.-е. избрать свободныя земли, пригодныя для культивированія, и когда ходоки ознакомились со всѣми условіями мѣстной жизни, то они по возвращеніи своемъ докладываютъ о результатахъ своихъ поисковъ, или, оставшись на облюбованныхъ ими мѣстахъ вызываютъ общественниковъ на переселеніе. А потому едва-ли можно допустить, чтобы въ выборѣ земель для переселеній могли происходить грубыя ошибки. Очевидно, что тутъ дѣйствуютъ иные мотивы заключающіеся въ неумѣніи русскаго крестьянства примѣниться къ новымъ условіямъ жизни. Немало вредитъ и рутинный способъ веденія хозяйствъ. Такъ поступали дѣды и отцы, такъ и намъ Богъ велѣлъ жить, а того не понимаютъ, что климатическія и почвенныя условія измѣняютъ и условія культивированія. Кромѣ того, у русскихъ переселенцевъ, при веденіи хозяйства, замѣчается недостатокъ солидарности и неумѣнье концентрировать силы къ первоначальной подготовкѣ для мѣстъ поселеній. Русскій человѣкъ не привыкъ дѣйствовать сообща, онъ и въ дѣлѣ колонизаціи норовитъ устроиться особнякомъ и завести свой хуторъ, чтобъ стать въ независимое положеніе отъ общины. Эти условія изолированія себя отъ тѣсно-сплоченной общины были отчасти причиною неудачъ казалинскихъ переселенцевъ, устроившихся на Сыръ-Дарьѣ.

Тюмень (корресп. „Вост. Обозр.“). Тюмень—первый отъ границы Россіи сибирскій городъ; въ немъ весьма значительное число кожевенныхъ заводовъ, мелкихъ и крупныхъ, которые расположены въ центральной части города, по лѣвому берегу р. Туры. Если смотрѣть съ противоположной стороны города (нагорной части) на зарѣчную, низменную часть, то какъ разъ противъ зрителя будетъ находиться заводъ Р—ва, а немного подалѣе—г. К—ва; заводъ послѣдняго весьма значительныхъ размѣровъ. К—въ, это „либеральный“ кулакъ, онъ далъ своимъ сыновьямъ университетское образованіе, а затѣмъ ихъ „пристроилъ“ въ заводскую среду. Какъ видно, сыновья продолжаютъ плодить міазмы въ городѣ съ успѣхомъ и производить „аккуратнѣе“ разсчеты съ рабочими. И, конечно, простой управляющій и конторщикъ не съумѣютъ такъ ловко вести дѣло, какъ эти люди съ высшимъ образованіемъ, отдавшіеся всецѣло дѣлу ради своихъ интересовъ и сугубой наживы. Есть задатки у этихъ молодыхъ людей дѣйствовать ловко и тонко. Кромѣ сказанныхъ заводовъ, и другіе разсѣяны по всему протяженію берега рѣки, текущей въ чертѣ города приблизительно около двухъ верстъ, и поэтому всѣ остатки производства, испускающіе немалое зловоніе, стекаютъ въ рѣку, а частію въ улицу. Въ самой рѣкѣ мочатъ кожи и вымываютъ шерсть, снятую съ нихъ посредствомъ отквашиванія, и эту же воду жители принуждены употреблять въ пищу и пить. Ниже всѣхъ заводовъ, у нагорной части города, на берегу рѣки, устроенъ паровой водопроводъ, снабжающій городъ водою. Заводы же, стоящіе внутри „зарѣчныхъ“ улицъ, всѣ остатки выпускаютъ въ ямы и низкія мѣста и, такимъ образомъ, не могутъ не портить воздуха. Немало приходится остатковъ и на озера, находящіяся за рѣкою, главнымъ образомъ, отъ завода того же К—ва. Заводы Р—ва стоятъ на самомъ берегу рѣки.

Устройство заводовъ въ Тюмени началось съ давнихъ поръ. Лѣтъ 15—20 тому назадъ было кѣмъ слѣдуетъ обращено вниманіе на невозможность существованія ихъ въ городѣ и на вредъ, ими приносимый. Заводы осматривались, опредѣлялась давность постройки и предполагалось нѣкоторые закрыть, устройство же вновь было строго запрещено губернскимъ строительнымъ комитетомъ... Но admirabile dictu! они выростаютъ, какъ грибы. Разгадка заключается въ томъ, что за производствомъ построекъ слѣдитъ городская управа, а въ составѣ ея большинство тѣхъ-же заводчиковъ, почему и выходитъ все шитымъ и крытымъ. Строятся заводы такъ: обыкновенно появляется сначала большихъ размѣровъ кладовая, или что либо въ родѣ этого, безъ оконъ, втихомолку ставятся чаны и прочія принадлежности, а потомъ по-маленьку да потихоньку вырубаются окна и дѣло въ шляпѣ:—производство начинается! Такъ практикуютъ многіе: напр., казначей управы К—цовъ, и прочіе. К—въ же окружилъ свой заводъ высокимъ заборомъ и возлѣ него, немного ниже, дѣлаетъ стѣны, кроетъ на одинъ скатъ и ставитъ чаны въ большомъ количествѣ. У нѣкоторыхъ составлялись акты, но, затѣмъ, пропадали безъ вѣсти, а къ К—ву и приступить не рѣшаются... Городамъ отведено удобное мѣсто для устройства заводовъ, но вслѣдствіе того, что оно отдалено отъ жилищъ заводчиковъ, до сихъ поръ остается пустымъ.

КОЛОНІИ, КАКЪ ВАЖНАЯ СТУПЕНЬ ВЪ РАЗВИТІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Говоря о колоніяхъ, мы должны, однако же, прежде всего оговориться, что подъ этимъ названіемъ мы разумѣемъ не только тѣ колоніи, которыя въ настоящее время состоятъ еще въ зависимости отъ государствъ, ихъ основавшихъ, но и тѣ, которыя освободились уже отъ зависимости и образовали самостоятельныя государства.

Извѣстно, съ какою неотразимою силою дѣйствуютъ на человѣка мѣстныя и историческія условія, какъ онъ сливается съ ними, можно сказать, органически, какое вліяніе имѣютъ они на образъ жизни, привычки, понятія и характеръ людей, родившихся и пережившихъ нѣсколько поколѣній въ однѣхъ и тѣхъ же постоянныхъ, неизмѣнныхъ условіяхъ. Тогда дѣлается неизбѣжнымъ, что только все то, къ чему люди привыкли, съ чѣмъ сроднились, кажется имъ естественнымъ, представляясь въ ихъ понятіяхъ какъ бы закономъ необходимости, то-есть тѣмъ, что иначе не можетъ и не должно быть, а все иное, несогласное съ нимъ, кажется уже своевольнымъ отступленіемъ отъ естественнаго, нормальнаго, и потому ошибочнымъ, неразумнымъ и даже нелѣпымъ, а нерѣдко и враждебнымъ. Отсюда порождаются, съ одной стороны, предразсудки, рутина, противящаяся всякому измѣненію, даже очевидно къ лучшему; съ другой стороны, мнѣніе о своемъ превосходствѣ, презрѣніе и неуваженіе къ другимъ, требованіе подчиненія своему, вражда національностей и мѣстностей: кто не грекъ, тотъ варваръ, кто не понимаетъ моего языка, не можетъ объясняться на немъ, тотъ нѣмецъ, все равно для меня, что нѣмой; кто не китаецъ, тотъ чортъ (заморскій); что несогласно съ моимъ обычаемъ, то смѣшно и нелѣпо, хотя, напр., кусокъ ленты у европейца, самъ по себѣ, не можетъ имѣть также никакого значенія, какъ и павлиное перо или шарикъ у китайца. „Уже одно то, что онъ говоритъ по французски, доказываетъ, что онъ не можетъ быть надежнымъ человѣкомъ“,—такъ отзывается англичанинъ даже объ англичанинѣ, въ одномъ изъ романовъ Купера. Замѣтимъ при этомъ, что подобная вражда къ чужому, къ иному, и осмѣяніе его, бываетъ не только между разными народами, но даже между людьми одного и того же народа, иногда сосѣдними обитателями и мелкихъ мѣстностей; извѣстно, какими прозвищами надѣляютъ другъ друга жители нашихъ разныхъ губерній и даже разныхъ уѣздовъ одной и той же губерніи.

Только тогда, когда человѣку приходится побывать, а тѣмъ болѣе пожить среди людей, развившихся и живущихъ въ иныхъ мѣстныхъ и историческихъ условіяхъ, онъ начинаетъ понимать, что могутъ существовать другой образъ жизни, другія привычки, другія понятія, чѣмъ его собственныя, и что людямъ, имѣющимъ ихъ, они кажутся такими же необходимыми и разумными, какъ ему тѣ, въ которыхъ онъ живетъ. Затѣмъ, мало-по-малу онъ начинаетъ сознавать, что если есть иныя вещи, которыя должны неизбѣжно приноровляться къ природнымъ мѣстнымъ и къ историческимъ условіямъ, то есть и другія, которыя могутъ быть общечеловѣческими, а такъ какъ общее выше и важнѣе частнаго, и самая степень развитія каждаго частнаго общества измѣряется тѣмъ, насколько оно приближается къ общечеловѣческимъ условіямъ, то и оказывается, что нѣкоторыя вещи, которыя у другихъ народовъ болѣе приблизились къ этимъ условіямъ—лучше, чѣмъ у насъ, и могутъ, безъ нарушенія нашей самостоятельности и безъ оскорбленія нашего самолюбія, быть съ пользой заимствованы у другихъ. Вотъ почему путешествія, особенно мореплаванія, торговля и даже войны въ чужихъ странахъ, всегда имѣли нѣкоторое вліяніе на развитіе людей, освобождая ихъ отъ узкихъ, одностороннихъ взглядовъ, привычекъ, понятій, какъ и изученіе чужаго языка освобождаетъ мысль отъ необходимости связывать ее съ извѣстною формою выраженія своего языка, показывая, что она можетъ имѣть средство выражаться на другихъ языкахъ, еще точнѣе, яснѣе и изящнѣе, чѣмъ на нашемъ.

Но всѣ эти временныя соприкосновенія людей, продолжающихъ между тѣмъ постоянно жить въ своихъ прежнихъ мѣстныхъ и историческихъ условіяхъ, съ людьми, живущими въ другихъ условіяхъ, могутъ имѣть только частное и преходящее вліяніе и нерѣдко совершенно даже изглаживаются. Для упроченія постоянныхъ послѣдствій отъ полученныхъ новыхъ идей, для принятія безповоротно новаго направленія, для удовлетворенія новыхъ требованій, несовмѣщающихся уже съ существующими на прежнемъ мѣстѣ пребыванія условіями, для освобожденія отъ гнета необходимости,—нужно бываетъ совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ условій и перенести дѣятельность человѣка въ новыя. Вотъ почему и требовалось иногда, и имѣло даже первостепенное значеніе и въ старыхъ обществахъ или государствахъ, перенесеніе центра управленія, столицы, въ иное мѣсто. Но болѣе полному приложенію новыхъ идей и новаго направленія, установленію новыхъ отношеній между людьми способствовало преимущественно образованіе колоній, особенно основанныхъ въ новѣйшее время, гдѣ все новое находило болѣе простора и менѣе препятствій, зависѣвшихъ въ старыхъ мѣстахъ жительства отъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Одно лишь переселеніе людей въ колоніи на постоянное жительство не только производило прочное вліяніе на переселенцевъ, но чрезъ нихъ воздѣйствовало сильно на измѣненіе многаго и въ той странѣ, изъ которой они выходили. Въ этомъ отношеніи, особенно важное значеніе имѣютъ не тѣ колоніи, которыя образовались отъ завоеваній, гдѣ требовалось, какъ и вообще при завоеваніи странъ однимъ государствомъ у другаго, насильственное подчиненіе формамъ быта завоевателя, а тѣ, которыя образуются изъ добровольныхъ переселенцевъ, и гдѣ можетъ происходить непринужденное измѣненіе понятій и сліяніе разныхъ формъ жизни въ одну общую, новую.

При постоянномъ взаимномъ обмѣнѣ людей разныхъ происхожденій, національностей, религій, сглаживаются особенности, отпадаетъ сама собою неприложимая уже къ новымъ условіямъ рутина, ослабляются и постепенно уничтожаются предразсудки, предубѣжденія, различіе сословій, вражда національностей и религій, обособленность человѣческихъ породъ или расъ, и совершается добровольно то, что пытались столько разъ безуспѣшно достигнуть насильственными средствами, особенно въ стремленіяхъ къ образованію всемірныхъ монархій, подчинивъ все единственно какой нибудь одной частной формѣ быта. Нѣтъ сомнѣнія, что одно изъ важныхъ преимуществъ въ колоніяхъ, наполняемыхъ добровольными переселенцами, заключается въ томъ, что лич-

ное достоинство, личный трудъ человѣка получаютъ въ нихъ больше значенія, чѣмъ тамъ, гдѣ званіе и собственность наслѣдственны, гдѣ свободный выборъ труда имѣетъ преимущество надъ невольною дѣятельностію, замкнутою въ какомъ нибудь опредѣленномъ историческою необходимостію кругу; сила свободной ассоціаціи равныхъ людей важнѣе единоличныхъ силы и значенія, а потому и можетъ совершать болѣе; наконецъ, общіе интересы человѣчества яснѣе выказываются въ новыхъ, чѣмъ въ старыхъ, односторонне развитыхъ обществахъ. И чѣмъ новѣе устроивающаяся колонія, чѣмъ меньше унаслѣдовала она изъ элементовъ прежняго существованія, подчиненнаго исторической необходимости, тѣмъ быстрѣе ея прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки представляютъ всѣ вышеупомянутыя измѣненія въ нѣкоторый промежутокъ времени, то послѣдне-образовавшіяся колоніи съ вольными переселенцами, какъ напр. австралійскія, а между ними особенно Новая Зеландія, представляютъ эти измѣненія совершившимися въ самое короткое время, на памяти одного поколѣнія,—и этимъ новѣйшія колоніи обязаны, сверхъ всего упомянутаго выше, еще и тому, что онѣ могутъ пользоваться, съ самаго уже начала и сразу, всѣми средствами, которыя доставляетъ выработанная Европой наука, составляющая заслугу Европы предъ человѣчествомъ, какъ объяснили мы это въ другомъ мѣстѣ. Чтобы видѣть, что можетъ произвести свободная и разумная дѣятельность человѣка, вооруженная всѣми средствами, какія даетъ наука, слѣдуетъ указать на австралійскія колоніи и въ особенности на Новую Зеландію. Несмотря на внесенный было и въ Австралію вредный элементъ учрежденіемъ въ ней ссыльной колоніи, Австралія, какъ только освободилась она отъ этой пагубной примѣси, пошла къ развитію исполинскими шагами, именно благодаря вольному переселенію и тѣмъ средствамъ, которыя доставляла европейская наука. Усовершенствованіемъ мореплаванія и другихъ средствъ сообщенія и передвиженія облегчился быстрый притокъ вольныхъ переселенцевъ такими массами, какія немыслимы были прежде, въ кратчайшее время, со всѣми средствами, чтобъ можно было сразу приняться за трудъ на новомъ мѣстѣ. И вотъ, въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1876—1881, общее число населенія всѣхъ австралійскихъ колоній увеличилось на 17%, слѣдовательно, увеличивается ежегодно на 3½%, въ Новой Зеландіи увеличеніе пришлось изъ общаго числа даже на 25%, т.-е. на 5% въ годъ. Слѣдствіемъ этого явилось то, что не прошло и сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ единственные европейцы въ ней были только бѣглые матросы съ китобойныхъ судовъ, а теперь европейское населеніе перешло уже за полмилліона жителей, пользующихся неслыханной для массъ степенью благосостоянія. Количество всей воздѣланной въ Австраліи земли возросло въ теченіи пяти лѣтъ на 50%, т. е. на 10% въ годъ, а въ Новой Зеландіи даже на 67,6%, т.-е. ежегодно возростало болѣе, чѣмъ на 13%, слѣдовательно—слишкомъ въ два съ половиною раза скорѣе, нежели возростало населеніе, чѣмъ и объясняется неимовѣрное возростаніе благосостоянія жителей.

Такимъ образомъ, въ Австраліи, особенно на материкѣ, гдѣ бродили малочисленныя и жалкія племена дикихъ, да и тѣхъ существованіе было самое необезпеченное, гдѣ не было ни хлѣбныхъ посѣвныхъ растеній, ни домашнихъ животныхъ,—тамъ живетъ теперь уже 3.000,000 благоденствующихъ людей, пользующихся всѣми новѣйшими изобрѣтеніями науки, воздѣлывающихъ около 8.000,000 акровъ земли, владѣющихъ болѣе, чѣмъ 9.000,000 рогатаго скота и 75.000,000 овецъ, снабжающихъ животными и растительными продуктами свою метрополію.

(Продолженіе будетъ).

Д. Завалишинъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ А. П. ЩАПОВА.

Сибирское общество не научилось еще дорожить писателями и учеными, вышедшими изъ его среды, уважать ихъ труды и чтить ихъ память. Ихъ могилы остаются заброшенными, забытыми, а имена почти не повторяются. Сибирское общество не имѣетъ біографіи Словцова, не знаетъ учениковъ его, не знаетъ многихъ и многихъ второстепенныхъ дѣятелей сибирскихъ, работавшихъ, мыслившихъ и страдавшихъ. Это, впрочемъ, естественный удѣлъ общества, неначинающаго еще гражданскую и умственную жизнь.

Не одно сибирское общество, однако, можно упрекнуть въ короткой памяти и забвеніи замѣчательныхъ дѣятелей. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда донеслась до Петербурга вѣсть о смерти Щапова, намъ случилось принести это извѣстіе въ одну изъ ежедневныхъ большихъ газетъ и написать некрологъ о его смерти; при этомъ случился одинъ изъ новыхъ петербургскихъ журналистовъ, претендовавшій уже на либеральную славу.—Кто такой умеръ? спросилъ онъ съ видомъ любопытства.—Историкъ Щаповъ, отвѣтили ему.—Ахъ, это тотъ писатель, у котораго былъ такой трудный языкъ, что невозможно читать... сказалъ разсѣянно журналистъ. „Человѣкъ, который писалъ невозможнымъ языкомъ"—и больше ничего! Такъ вотъ единственная память и характеристика. А много-ли, много-ли прошло времени послѣ того, какъ имя Щапова гремѣло въ журналистикѣ, въ аудиторіяхъ университета? Гдѣ же связь поколѣній, солидарность писателей, гдѣ твой пантеонъ, русская журналистика?.. Стало быть, сибирскому обществу и Богъ проститъ; оно даже не знало и не подозрѣвало своей связи съ Щаповымъ.

Имя Щапова несомнѣнно останется достояніемъ русской и сибирской мѣстной литературы; забытое на минуту, имя это тѣмъ рѣзче выступитъ со временемъ, вмѣстѣ съ именами его современниковъ. Появляющіяся біографіи Щапова возобновляютъ и возстановляютъ предъ нами его образъ, его дѣятельность. Къ такимъ принадлежитъ и недавно вышедшая отдѣльно біографія, напечатанная предварительно въ „Историческомъ Вѣстникѣ", написанная профессоромъ Аристовымъ, знавшимъ жизнь покойнаго. Предъ этимъ было еще нѣсколько воспоминаній о Щаповѣ, въ томъ числѣ С. С. Шашкова. Всѣ эти біографіи весьма поучительны и полны любопытныхъ подробностей въ обрисовкѣ силы, страстности этой натуры и драматическихъ положеній, въ которыя его ставила жизнь.

Многія подробности, собранныя біографами, къ сожалѣнію, затемняютъ главную канву жизни Щапова и рисуютъ его какимъ-то болѣзненнымъ и патологическимъ субъектомъ. То, что полезно для психолога и біографа, не всегда бываетъ понятно для пу-

блики. Разсматривая несчастную жизнь Щапова и его недуги, самъ г. Аристовъ, несочувствующій образу мыслей Щапова, впадаетъ въ односторонность и объясняетъ его дѣятельность болѣзненнымъ состояніемъ *). Біографъ забываетъ при этомъ, что у Щапова, въ лучшую пору, была иная натура. Разсказы о раздражительности Щапова, болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ могутъ дать, къ сожалѣнію, совершенно превратное понятіе о характерѣ этой, безъ всякаго сомнѣнія, замѣчательной, какъ ученый и гражданинъ, личности.

Иркутское общество видѣло только обратную сторону его жизни и одну гибель Щапова.

— Знаемъ мы этихъ писателей! вонъ они каковы! скажетъ сибирскій кулакъ, выведшій свое имя сусальнымъ золотомъ на вывѣскѣ своего благотворительнаго учрежденія, и будетъ себя считать образцомъ нравственности.

Но развѣ у этого дѣятеля и писателя ничего не было, кромѣ его слабостей, его нервности и раздражительности? Развѣ жертвы его были менѣе? Развѣ въ душѣ этого несчастливца не было когда-то высокихъ идей, священныхъ помысловъ, думъ благородныхъ и беззавѣтнаго самоотверженія?...

Мы желали бы познакомить съ личностью Щапова въ иную эпоху жизни, благодаря матеріаламъ его біографовъ. Въ особой статьѣ мы покажемъ его значеніе для Сибири.

Для возстановленія цѣльнаго образа Щапова и тѣхъ дарованій, которыя таила его натура въ поученіе сибирскому обществу, мы хотимъ возстановить нѣсколько чертъ изъ его біографіи. Не намъ касаться историко-литературнаго значенія Щапова; для этого потребовался бы цѣлый рядъ критическихъ этюдовъ. Онъ пробовалъ создать особую историческую школу въ наукѣ; очередь этой научно-литературной оцѣнки придетъ своимъ чередомъ. Мы беремся только напомнить происхожденіе, ростъ этого таланта, его генетическія черты, кровную связь съ сибирскимъ обществомъ и то трагическое положеніе на родинѣ, въ которое онъ былъ поставленъ.

Щаповъ, по происхожденію, прежде всего—сынъ народа, изъ селенія Амги въ Восточной Сибири; его родственники—крестьяне, отецъ—дьячокъ, со стороны матери въ его натуру вливается капля инородческой крови. Происхожденіе свое онъ помнилъ цѣлую жизнь и гордился имъ. Впослѣдствіи, занимаясь исторіей, онъ открываетъ своего предка въ депутатахъ екатерининской коммисіи проекта уложенія. Этотъ сибирскій демократизмъ, или плебейство, проходитъ чрезъ всю его жизнь и составляетъ подкладку чувства во всѣхъ перипетіяхъ жизни, чему можно видѣть множество примѣровъ изъ біографіи. Этимъ народолюбіемъ объясняется его страсть къ изученію раскола, а впослѣдствіи и страсть къ русской исторіи, какъ и самое направленіе въ ней.

Среди неблагопріятной обстановки возростаетъ этотъ талантъ. Оторванный отъ семьи, едва поднявшійся отъ полу ребенокъ попадаетъ въ Иркутскъ, въ суровую, безпощадную бурсу, гдѣ маленькихъ страдальцевъ видятъ въ оборванныхъ затрапезныхъ халатахъ, босыхъ, безъ шапокъ, гдѣ всё пропитано міазмами и дѣтей заѣдаютъ миріады грязныхъ паразитовъ. Здѣсь маленькій Щаповъ испытываетъ первое горе, хлѣбаетъ одной ложкою со многими и учится по чужимъ книжкамъ, выказывая уже способности. Изъ душной и ужасной среды, гдѣ нѣтъ жалости, онъ вырывается только временами на вакатъ, въ деревню къ роднымъ, гдѣ любящая мать горько плачетъ надъ нимъ, лаская это изможденное, измученное маленькое тѣло и соскребая нарости и паразитовъ съ любимаго ребенка. Многіе не выдерживали и бѣжали изъ этой бурсы, и Щаповъ, припоминая впослѣдствіи эти бѣгства, сближаетъ ихъ съ побѣгами древнихъ церковниковъ въ лѣса, на Украйну и т. д. („Земство и Расколъ").

Вынесши 6 лѣтъ этой горькой жизни, Щаповъ поступаетъ изъ иркутскаго духовнаго училища въ семинарію; еще 6 лѣтъ—и онъ дѣлается лучшимъ ученикомъ, въ 1852 г. оканчиваетъ курсъ въ числѣ первыхъ и отправляется въ духовную академію. Вступивъ на дорогу высшаго образованія, онъ еще болѣе обнаруживаетъ свои способности и быстрый нравственный ростъ. „На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ—пишетъ его біографъ, много и упорно; онъ изумлялъ всѣхъ своимъ труженичествомъ, не принимая участія ни въ играхъ, ни въ прогулкахъ". „Часовъ по 17 онъ проводилъ время за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовалось углубленіе на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво, и углубленія прозвали ямами новаго столпника, блаженнаго Аѳанасія".

— Что же онъ такъ трудится? развѣ не обладаетъ способностями? задавали вопросъ нѣкоторые, вступавшіе въ академію.

— Какое! самый даровитый и самый трудолюбивый человѣкъ.

Въ этой академіи, годами онъ накапливаетъ огромную эрудицію, перерываетъ архивы, особенно изучаетъ соловецкій. Въ то же время, онъ интересуется литературой и современной жизнью. Изъ него не выходитъ схоластикъ, а за этой ученостью бьетъ живой родникъ чувства. Студенты читаютъ письма Погодина о славянахъ, слѣдятъ по газетамъ за исходомъ крымской войны; нервный Щаповъ горюетъ надъ павшими, переживаетъ душою страшную вѣсть о паденіи Севастополя, проклинаетъ виновниковъ несчастія. Въ такое-то время и среди такихъ событій развертывается эта жизнь.

Скоро Щаповъ является баккалавромъ и адъюнктомъ академіи во всеоружіи учености. Онъ беретъ каѳедру русской исторіи и пишетъ первую диссертацію „Расколъ старообрядчества"; направленіе его вырисовывается уже въ первыхъ трудахъ и первыхъ лекціяхъ. Дальнѣйшія изслѣдованія заставляютъ его перейти къ земству въ связи съ расколомъ. „Какъ человѣкъ, вышедшій чуть не изъ среды крестьянъ, пишетъ Аристовъ, онъ сразу пораженъ былъ идеей силы народной, проповѣдуемой славянофилами, и почувствовалъ свое призваніе". При изученіи исторіи, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на жизни массъ. „Когда я изучалъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ исторіи не видно нашей сельской Руси, исторіи массъ"? Это было совершенно новое направленіе и новое міросозерцаніе. Если мы цѣнимъ и возвеличиваемъ Некрасова за внесеніе народной струи въ поэзію, то во сколько же мы должны оцѣнить историческія работы Щапова? Мы въ правѣ сказать, что онѣ еще неоцѣ-

*) „Причиной гибели Щапова является прежде всего онъ самъ, съ своимъ дикимъ нравомъ и непростительнымъ упорствомъ (въ чемъ?), а среда и настрой времени только разжигали его ребяческое сердце, кипятили и безъ того необузданную (?!) натуру", говоритъ г. Аристовъ. Несомнѣнно, что самъ покойный Аристовъ не понялъ ни натуры Щапова, ни коллизій, которыя онъ переживалъ.

нены. Цѣлая новая панорама исторіи, совершенно новые періоды, эпохи и, главное, новые факторы исторіи открываются предъ нимъ, онъ, такъ сказать, поднимаетъ новые историческіе пласты. Удѣльный періодъ получаетъ новую окраску (лекція 1859 г.); древній земскій складъ русской жизни, сложеніе Руси, колонизація, народосовѣтія, русскія земскія и областныя общины—вотъ что открывается его взору. Онъ кидается со всѣмъ жаромъ на эту дѣвственную, неразработанную почву. Расколъ, движенія русскаго народа получаютъ новый смыслъ; въ этихъ массахъ онъ открываетъ не стихійную силу, а самобытную мысль, искусство, геній и политическій смыслъ. Русь ему рисуется сѣтью этнографическихъ общинъ съ разнообразными стремленіями, онъ открываетъ жизнь и среду совершенно иную, отдѣльную отъ мелкой кучки цивилизованныхъ руководителей, онъ поражается и благоговѣетъ самъ предъ открытою имъ силою. Въ это время его охватываетъ вдохновеніе. „Съ увлеченіемъ и жаромъ говоритъ онъ на лекціяхъ, когда дѣло касалось паденія земско-областной самобытности, и рядомъ съ лѣтописными картинами у него выступаютъ цѣлые художественные живые образы. Онъ съ поэтомъ плачетъ надъ вѣчевою свободою, вспоминаетъ Новгородъ и цитируетъ:

На широкой Вадимовой площади
Заунывно поетъ—гудитъ колоколъ.
(стр. 38, Истор. В.).

Рядомъ съ этимъ онъ поражаетъ огромной эрудиціей. „Свои лекціи въ академіи онъ читаетъ съ увлеченіемъ и такъ быстро, что въ одинъ часъ прочитывалъ добрыхъ три лекціи“; „онъ говорилъ превосходно, съ воодушевленіемъ излагалъ интересовавшія его идеи и возвышался до художественныхъ образовъ“.

Жажда научной дѣятельности въ это время его пожираетъ. Ученики академіи были въ восторгѣ отъ Щапова; они помогали ему разработывать соловецкій архивъ и получили страсть къ русской исторіи; многіе изъ нихъ, разсѣявшись на разныхъ поприщахъ жизни, не могли не унести съ собою внушенную имъ любовь къ русскому народу.

Въ 1860 г. очищается каѳедра русской исторіи въ казанскомъ университетѣ, и Щаповъ рекомендуется на нее, какъ даровитый ученый. Университетъ, однако, не былъ подготовленъ къ нему. Студенты даже съ предубѣжденіемъ ждали вступительной лекціи: „что можетъ сказать путнаго семинаристъ-схоластикъ?“ Не зналъ никто, какую силу выработала лабораторія молчаливой академіи, никто не подозрѣвалъ, что дало дикое растеніе съ дальнихъ береговъ Лены, воспитанное въ скромныхъ стѣнахъ монастыря, среди старыхъ рукописей, среди слабаго свѣта восковыхъ свѣчей, подъ покровомъ иноковъ.

11-го ноября вошелъ Щаповъ въ университетъ среди многолюднаго собранія слушателей; ни одна изъ аудиторій не вмѣщала ихъ, и потому была избрана актовая залѣ. Весьма оригинальная фигура сибиряка, полная простоты и вмѣстѣ сознанія силы, появилась на каѳедрѣ. Лекторъ избралъ темою „общій взглядъ на исторію великорусскаго народа.“

Щаповъ читалъ: „Скажу напередъ: не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности я вступаю на университетскую каѳедру Русской Исторіи“.

„Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть попреимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимнодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую, особную, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ собиранія русской земли“.

„Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; онъ возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. под.

„И мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи“!.. („Историч. Вѣстн.“ 1883 г.).

Приковавъ вниманіе слушателей своимъ оригинальнымъ вступленіемъ, лекторъ выказалъ здѣсь весь блескъ и всю силу своего таланта. Успѣхъ былъ колоссальный и неожиданный; попечитель, профессора, студенты, публика—все смѣшалось въ взрывахъ восторга, привѣтствій, апплодисментовъ. Щаповъ съ этого времени приковываетъ къ себѣ всѣ симпатіи. Онъ становится любимцемъ студентовъ; никогда университетъ не видалъ такого торжества, такого единенія науки и жизни, слушателей и профессора. Объ этомъ впечатлѣніи пишетъ очевидецъ: „Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ; публика стекалась слушать знаменитость, студенты ходили какъ ошалѣлые отъ восторга“.

Щаповъ съ перваго раза проливалъ уже слишкомъ новый, слишкомъ оригинальный взглядъ на русскую исторію, чтобы не поразить слушателей. Подъ вліяніемъ его, эта исторія получила иной видъ. Теорія областности выступила у него въ первый разъ новою школою. Ни ранѣе, ни послѣ не появлялось болѣе даровитаго представителя этой идеи, несомнѣнно имѣющей будущее въ русской жизни. Когда Щаповъ, открывая страницу за страницей исторіи, приближался къ недавнему прошлому передъ освобожденіемъ крестьянъ, онъ поражалъ слушателей откровенностью и доходилъ до непостижимой смѣлости, до вдохновенія, до экстаза.

Для этого надо припомнить наступившее время 1860—61 г.;

повсюду точно трепетали листья подъ вѣтромъ; какой-то шелестъ новой жизни шелъ по Россіи, весенніе лучи солнца вдругъ ударили на эту жизнь, въ воздухѣ гудѣлъ праздничный благовѣстъ колоколовъ, совершалась что-то великое, чувствовалось предзнаменованіе освобожденія крестьянства изъ-подъ вѣковаго ига, освобожденіе человѣческой мысли на Руси. Это было время, на минуту сверкнувшее яркою зарею надежды, дѣтскаго счастія, тепломъ и свѣтомъ юности, и его никогда, никогда не забудутъ пережившіе.

Въ это время лилась пламенная рѣчь человѣка, преданнаго русскому народу. Давно, какъ говоритъ біографъ, онъ принималъ къ сердцу горе этого народа, онъ рыдалъ надъ этимъ горемъ иногда, какъ ребенокъ. „Крестьянская реформа наэлектризовала Щапова и надо было ожидать, если не громового удара, то сильнаго треска", пишетъ, г. Аристовъ. „Своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задушевностью и горячею любовью къ народу онъ электризовалъ и другихъ".

Несмотря на то, жажда научной дѣятельности не оставляла Щапова; онъ мечталъ ѣхать въ Петербургъ и Москву для научной подготовки въ библіотекахъ, о чемъ онъ подалъ прошеніе 12 апрѣля. Совершилось 19 февраля 1861 г., предвидѣнный ударъ грома разразился надъ Щаповымъ. Около Казани совершилась бездненская исторія усмиренія крестьянъ, гдѣ пало нѣсколько жертвъ. Происшествіе это произвело сильное волненіе въ городѣ. 17-го апрѣля студенты духовной академіи, университета собрались отслужить панихиду по убіеннымъ въ кладбищенской церкви. Ее служили, по описанію Аристова, два священника и іеромонахъ; духовный хоръ пѣлъ на клиросѣ. Траурная обстановка, грустныя думы и предчувствія. „Вѣчную память" пропѣли всѣ присутствующіе. Минута была потрясающая; на Щапова выпало произнести рѣчь: кому же, какъ не ему, кто училъ любить народъ, кто такъ пламенно и горячо любилъ его? Онъ вышелъ растроганный, потрясенный; рѣчь была краткая, но полная чувства. Эта рѣчь сгубила энтузіаста-профессора. Въ III отдѣленіи, въ Петербургѣ, Щаповъ откровенно выяснилъ, подъ вліяніемъ какихъ чувствъ онъ находился. Въ томъ же апрѣлѣ произошло разставанье съ студентами. Біографъ, г. Аристовъ, описываетъ подробно это прощанье. Толпы студентовъ академіи и университета стеклись проводить своего любимаго профессора; они наполнили квартиру, сѣни, крыльцо.

Прощанье было трогательное, тѣ и другіе плакали. Съ профессора сняли портретъ. Проводы были тяжелые; всѣхъ томила горькая дума. Студенты провожали любимца на лодкахъ по Казанкѣ до пароходной пристани. Когда они сѣли, раздалась хоромъ грустная, надрывающая душу прощальная волжская пѣсня:

Какъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижня города.

Съ такою любовью, нѣжностью и грустью проводили Щапова его слушатели. Такъ цѣнили Щапова на чужбинѣ. Щаповъ не возвратился въ университетъ, какъ говоритъ біографія. Работая въ Петербургѣ, сначала въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ обратился къ литературной дѣятельности, популяризируя свои историческія лекціи, хотя и подъ новымъ угломъ зрѣнія *).

*) При біографіи Аристова приложенъ огромный библіографическій списокъ статей и трудовъ Щапова, изданныхъ и намѣченныхъ. Лекціи его особенно заслуживаютъ изданія.

Эти черты біографіи рисуютъ намъ Щапова, какъ общественнаго дѣятеля, во весь ростъ. Мы видимъ его въ лучшую пору, со всѣми дарованіями. Онъ былъ замѣчательный ученый, философъ русской исторіи, представитель новой школы; но этого мало: одинъ изъ его современниковъ назвалъ его трибуномъ; дѣйствительно, онъ имѣлъ этотъ талантъ, хотя не имѣлъ для этого своей сферы. Когда онъ сталъ писать, онъ сдѣлался болѣе публицистъ, чѣмъ историкъ. Это также обусловливалось его живымъ отношеніемъ къ общественной жизни; онъ слишкомъ кипѣлъ, можно сказать, этою жизнью,—отсюда крайности, увлеченія, нетерпѣніе, желчь, проявившаяся въ его работахъ; это же было источникомъ его душевныхъ страданій, недовольства, несчастій, болѣзни и гибели. Силы ума, стойкости убѣжденій, дарованій не отнимаютъ у него даже самые строгіе судьи его слабостей. Въ Петербургѣ, въ лучшую пору литературной эпохи, лучшіе писатели дорожили его знакомствомъ. Онъ умеръ больной, безпомощный, изстрадавшійся, въ Иркутскѣ и похороненъ при полномъ общественномъ безучастіи, окруженный немногими интеллигентными людьми, не менѣе терпѣвшими, чѣмъ онъ. Иркутское общество и не подозрѣваетъ, какая могила находится на его кладбищѣ, среди пышныхъ мавзолеевъ господъ золотопромышленниковъ!

Н. Ядринцевъ.

ИЗЪ ПРІИСКОВОЙ ЖИЗНИ.

Разсказъ.

(Окончаніе).

Пріисковой рабочій, преступникъ, стоялъ блѣдный предъ своими слѣдователями.

Священникъ началъ свое увѣщательное слово. Онъ говорилъ о первомъ грѣхѣ человѣка, о грѣхѣ вообще, объ отвѣтственности за этотъ грѣхъ передъ Богомъ и обществомъ, о покаяніи, о прощеніи въ будущей жизни, о необходимости принятія наказанія въ настоящей и о смягченіи этого наказанія за добровольное и полное признаніе.

— Я ничего не утаю, батюшка, тихо проговорилъ преступникъ, внимательно вслушивавшійся въ краткую рѣчь священника, торжественно звучавшую въ мертвой тишинѣ комнаты.—Ничего не утаю. Чтожъ будешь дѣлать? Грѣхъ мой попуталъ меня.

„Три года, говорилъ онъ, работалъ я у Прутикова, и ни въ чемъ дурномъ онъ меня не замѣтилъ. Нонѣ нанялъ онъ меня на четвертый годъ и далъ мнѣ въ задатокъ тридцать рублей денегъ, да пять бутылокъ вина. Роспилъ я это вино съ товарищами, отправился въ свою П*, да съ легкой-то руки и пропилъ тамъ всѣ свои тридцать рублей. Почитай, цѣлую недѣлю пилъ безъ просыпа. Ну, и ничего, кажись, все хорошо было. Только-что вдругъ, и самъ не знаю, что это со мной приключилося, покажись мнѣ, будто меня убить хотятъ. Такъ вотъ и чудится, такъ и чудится. Прошло это дня три. Просто измучился я, спокою нѣтъ; чуть только закрою глаза, такъ словно кто шепчетъ мнѣ въ уши: „убьютъ тебя, берегись, парень!" Боюсь на улицу выйдти, боюсь и дома сидѣть. И до того, батюшка, одолѣлъ меня страхъ этотъ, что я ужъ ни о чемъ другомъ и думать не могъ, да черезъ три дня, ночью, въ одной рубахѣ, взялъ да и убѣжалъ на пріискъ.

Дорогой-то и покажись мнѣ, что за мной кто-то гонится. Безъ ума я вбѣжалъ въ казарму и ну кричать: „братцы, спасите, убить хотятъ“! Ребята наши выбѣжали изъ казармы, потомъ воротились и говорятъ: „нѣтъ никого, такъ это тебѣ померещилось“. А я не вѣрю имъ, и такъ вотъ и дрожу весь, какъ листъ осиновый.

„Полегли они спать, и я съ ними легъ, а спать не могу, все мнѣ чудится. И назавтра то же, и на послѣзавтра, просто бѣда моя пришла, хоть караулъ кричи; съ ногъ смотался, работать не могу. День за днемъ, а мнѣ все хуже да хуже. Подошелъ такъ-то вчерашній день. Ребята наши съ самаго утра собрались въ гости на сосѣдній пріискъ; ну, и меня, разумѣется, взяли съ собой; недалеко тутъ, верстахъ въ трехъ. Тамъ новика идетъ, ребята пѣсни орутъ, вино пьютъ, и меня угощаютъ; а мнѣ и вино въ ротъ нейдетъ: людей бояться сталъ. Сижу себѣ и думаю: въ какое бы это мѣсто мнѣ уйти, гдѣ бы людей не было? Взялъ, да и убѣжалъ отъ нихъ въ лѣсъ; легъ я подъ колоду, а самому еще страшнѣе, чѣмъ тамъ: мало-ли, думаю, кто здѣсь пройти можетъ. Увидитъ меня и ужъ непремѣнно убьетъ. Лучше, думаю, домой пойду, тамъ теперь никого нѣтъ.

„Пришелъ я въ казармы, легъ на нары, а все спокоя мнѣ нѣтъ. И вдругъ это словно бы осѣнило меня, мысль мнѣ пришла, что кабы я убилъ кого нибудь, такъ ужъ меня бы тогда не убили, потому казака бы ко мнѣ приставили, чтобы, значитъ, стерегъ меня. И такъ это мнѣ въ голову втемяшилось, что просто прогнать не могу. Проворочался это я до свѣта; все уснуть не могъ. Только слышу вдругъ дверь скрипнула; гляжу: Буранъ идетъ, рабочій нашъ. Онъ въ селѣ былъ, гдѣ братъ мой Гаврило живетъ, и принесъ мнѣ поклонъ отъ него.

„Всталъ я съ наръ, взялъ топоръ въ руки, спряталъ его за спину и подошолъ къ Бурану.

— Здоровъ братъ? спрашиваю, а самъ близко, близко къ нему подвинулся.

— Здоровъ, говоритъ,—поклонъ тебѣ посылаетъ.

„Не успѣлъ это онъ вымолвить, какъ я хватилъ его по головѣ изо всей силы. Покатился онъ бѣдный, пикнуть не успѣлъ. Точно какое-то затмѣнье нашло на меня, не помнилъ, что дѣлалъ, не помнилъ, какъ изъ казармы вышелъ. Опомнился я только на дворѣ, какъ ребятъ нашихъ увидалъ. Вяжите, говорю, меня братцы: я Бурана убилъ. Сперва было не повѣрили, а какъ пришли въ казармы, да увидали—ну, и связали меня“.

Преступникъ кончилъ разсказъ и молча стоялъ передъ священникомъ, тупо смотря передъ собой безпокойнымъ, блуждающимъ взглядомъ. Повидимому, онъ и теперь еще не вполнѣ созналъ силу совершеннаго имъ преступленія.

— Ну, а теперь-то ты не боишься, что убьютъ тебя? спросилъ священникъ, нѣсколько минутъ молчавшій подъ впечатлѣніемъ разсказа.

— Нѣтъ, теперь не боюсь. Какъ только убилъ я его, такъ съ меня въ тотъ же часъ страхъ этотъ и спалъ.

На другой день слѣдствіе было окончено, свидѣтели подтвердили подъ присягой показаніе подсудимаго, и онъ сданъ былъ въ острогъ. Еслибъ Буранъ былъ убитъ самымъ сознательнымъ образомъ, съ гнусною цѣлью грабежа или просто разбоя, его убійцу постигло бы то же наказаніе, какое присудили человѣку, совершившему преступленіе въ припадкѣ бѣлой горячки, за которымъ были всѣ права, если не на оправданіе, то на значительное смягченіе приговора. Но кому мало дано, съ того мало и спросится, а сибирскимъ жрецамъ Ѳемиды не дано ничего, стало быть съ нихъ и взятки гладки.

Праздникъ выхода рабочихъ съ пріиска былъ въ полномъ разгарѣ, когда Акакій Сысоевичъ съ письмоводителемъ возвратились въ село П*. Шумною толпою ходили по улицамъ рабочіе, пѣли пѣсни, кричали, бранились, мирились, ссорились и снова мирились. У лавокъ тѣснились щедрые подвыпившіе покупатели, и купцы наперерывъ спѣшили сбыть имъ гнилой, залежавшійся товаръ.

Въ домахъ тоже стоялъ пиръ горой. Изъ оконъ слышался безобразный визгъ женскихъ голосовъ, нестройные звуки гармоники, топотъ бѣшеной пляски. Пріискатели гуляли. Все, что было на долгое время подавлено въ нихъ тяжелымъ физическимъ трудомъ и полной всевозможныхъ лишеній пріисковой жизнью, теперь вырвалось наружу и хлынуло неудержимымъ потокомъ веселья и безшабашной, разгульной удали.

Первый визитъ исправнику сдѣлала пьяная инородка, пришедшая съ жалобой на сына, отказывающагося содержать ее. Только что удалось удалить ее, съ помощью казака, въ дверяхъ показалась высокая, плотная фигура рабочаго, а изъ-за спины его—цѣлый рядъ головъ.

Акакій Сысоичъ испугался перспективы жалобъ и разбирательствъ и, указавъ на письмоводителя, посовѣтовалъ обратиться къ нему. Оказалось, что дѣло у всѣхъ одно, общее, заключающееся въ жалобѣ на Машинецкаго, обсчитавшаго рабочихъ при разсчетѣ. Одинъ жаловался на то, что ему засчитали лишнихъ 25 рублей за какія-то подати, которыя онъ всегда вносилъ аккуратно; другой говорилъ, что въ пять лѣтъ работы ему не даютъ выйти изъ долга, хотя онъ навѣрно знаетъ, что у него давно все отработано и надо еще дополучить; у третьяго Машинецкій удерживаетъ паспортъ, чтобы сорвать съ него какой-то несуществующій долгъ и т. д., и во всѣхъ этихъ однородныхъ жалобахъ обвиняемымъ является Машинецкій. Ясно, что онъ виноватъ, рѣшаетъ письмоводитель и успокоиваетъ рабочихъ, обѣщая послать за Машинецкимъ и разобрать это дѣло. Онъ даже тутъ же, въ присутствіи рабочихъ, отдаетъ приказаніе казаку отправиться къ Машинецкому и просить его немедленно явиться.

Рабочіе уходятъ успокоенные, увѣренные въ томъ, что они нашли себѣ защиту, и что ихъ правое дѣло непремѣнно выгоритъ. Но надежда ихъ сильно поколебалась бы, еслибъ они были свидѣтелями той подобострастной встрѣчи, которую устроили исправникъ и письмоводитель явившемуся по ихъ приглашенію Машинецкому.

Машинецкій былъ крупный золотопромышленникъ, когда-то служившій при полиціи и ловко намаклачившій себѣ довольно изрядный капиталъ. Пуская его въ ростъ и предпринимая различныя выгодныя аферы, онъ быстро удвоилъ и даже утроилъ его, и въ то время, какъ мы встрѣчаемъ его въ гостинной исправника, Машинецкій былъ уже силой въ золотопромышленномъ мірѣ.

Завидѣвъ Машинецкаго, Акакій Сысоичъ бросился къ нему на встрѣчу.

— Григорій Ивановичъ, наше вамъ всенижайшее! залебезилъ онъ, пугаясь суроваго выраженія на лицѣ гостя.—Вы извините, пожалуйста, что мы побезпокоили васъ, но что станешь дѣлать?—служба! Дѣло въ томъ, видите-ли... пришли тутъ трое рабочихъ... Жалуются, канальи!

— А вы и вѣрите имъ? произнесъ Машинецкій тономъ пренебрежительнаго упрека.—Нашли кому вѣрить! Точно сами не знаете, какіе это мошенники, разбойники. Пропьются, негодяи, влѣзутъ въ долги, да потомъ и шляются съ жалобами. Я ихъ въ шею-бы на вашемъ мѣстѣ, Акакій Сысоичъ. Въ другой бы разъ не сунулись.

— Такъ-то такъ, Григорій Ивановичъ, да нельзя этого: служба! До высшаго начальства дойдетъ—бѣда! Самихъ по шеѣ турнутъ.

— Ну, это еще веслами на водѣ писано: дойдетъ либо нѣтъ. По дорогѣ-то и перехватить можно.

— Боюсь, Григорій Ивановичъ; нельзя! Вы бы ужъ лучше какъ-нибудь тово... поладили-бъ съ ними. А то вѣдь, пожалуй, и до жандармскаго дойдутъ, неловко! уговаривалъ исправникъ своего негодующаго гостя.

— Не дойдутъ, не бойтесь, увѣренно произнесъ Машинецкій.—Съ голоду имъ помирать, что-ли? Ко мнѣ же опять наймутся, знаю ужъ я. Дай только лишній стаканъ водки, вотъ все и забыли. Нашли кого опасаться!

Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, Машинецкій дружески распрощался съ исправникомъ, вышедшимъ проводить его на крыльцо. Результатомъ такой любезности былъ довольно солидный „пакетецъ", ловко оставленный гостемъ въ рукѣ хозяина. Акакій Сысоичъ очень быстро спустилъ его въ карманъ, такъ что лѣвая рука не видала, что сдѣлала правая и, вынувъ мимоходомъ носовой платокъ, громко высморкался.

— Славная погода стоитъ! между прочимъ замѣтилъ онъ, старательно вытирая усы и губы.

— Отмѣнная погода! согласился Машинецкій, застегиваясь на всѣ пуговицы и глядя куда-то въ сторону. Онъ какъ будто забылъ о только что переданномъ „пакетцѣ", а Акакій Сысоичъ какъ будто и не замѣтилъ, что опустилъ его въ карманъ.

Оба разстались, очень довольные другъ другомъ.

Рабочіе тоже были довольны, что ихъ выслушали и не прогнали въ шею и, къ вечеру, пропивая остатки своего тяжкаго заработка, говорили, что „исправникъ у нихъ, кажись, баринъ добрый и Машинецкому не мирволитъ". Но недолго суждено было „доброму барину" морочить добрыхъ людей. Четыре мѣсяца спустя послѣ его послѣдней поѣздки, въ одинъ прескверный зимній день, когда прелесть мѣхового халата и мягкихъ пимъ была еще очевиднѣе обыкновеннаго, Акакій Сысоичъ сидѣлъ у самовара и опоражнивалъ четвертый стаканъ чая. Въ кругу своей неоцѣненной семьи, немучимый никакими зловѣщими предчувствіями, онъ былъ благодушенъ и счастливъ, когда вошедшій въ столовую казакъ подалъ ему бумагу, съ роковыми, загадочными словами:

— Отъ новаго исправника, ваше высокоблагородіе.

Сначала всѣ оцѣпенѣли, потомъ опомнились и принялись жаловаться на несправедливость судьбы. Но Акакій Сысоичъ съ твердостью мученика перенесъ это новое испытаніе и покорно произнесъ, воздѣвъ очи къ небу:

— Да! тяжела была служба—и вотъ награда!

З—ковъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Несмотря на дѣйствующее въ ганзейскихъ городахъ малое осадное положеніе, организованная тамъ соціалистическая партія очень сильна, что и доказали въ Гамбургѣ, напр., выборы депутата въ рейхстагъ. Изъ трехъ баллотировавшихся лицъ: либерала Рошера, прогрессиста Робе и соціалиста Бебеля, побѣду одержалъ послѣдній. Гамбургъ имѣетъ своими представителями въ рейхстагѣ уже двухъ соціалистовъ. Но нѣмцы, протестуя всѣми силами внутренней германской политикѣ, въ то же время съ рѣдкимъ единодушіемъ сочувствуютъ всѣмъ внѣшнимъ планамъ своего желѣзнаго канцлера. Малѣйшій протестъ сосѣднихъ державъ внѣшней политикѣ Германіи нѣмцами считается чуть-ли не потерею здраваго смысла и ужъ во всякомъ случаѣ тяжкимъ преступленіемъ противъ господствующей въ Европѣ системы мира. Такъ, парижскій банкетъ, на которомъ были высказаны взаимныя симпатіи французовъ и итальянцевъ, поднялъ чуть не всю нѣмецкую печать всѣхъ лагерей. Нѣмецкія газеты въ заявленіи симпатій двухъ сосѣднихъ народовъ увидѣли оскорбленіе чести Германіи, надругательство надъ тройственнымъ союзомъ и попытки французовъ нарушить европейскій миръ. Крашевскій все еще арестованъ; онъ опубликовалъ письмо, въ которомъ проситъ редакціи газетъ и журналовъ, гдѣ онъ сотрудничаетъ, обождать его статей до тѣхъ поръ, пока онъ, или получитъ свободу, или возможность заниматься въ мѣстѣ заключенія работами, матеріалъ для которыхъ уже собранъ.

— Австрія на французско-итальянскій банкетъ смотритъ еще мрачнѣе, чѣмъ Германія. По словамъ австрійской печати, банкетъ этотъ служитъ доказательствомъ не только явно враждебнаго настроенія французовъ къ тройственному союзу, но и тайныхъ симпатій этого народа къ Россіи. Австрійскія газеты толкуютъ объ особенномъ сближеніи французовъ съ русскими, на коронаціи, въ Москвѣ. Борьба народностей, составляющихъ австрійскую монархію, продолжаетъ проявлять себя. Среди нѣмецкой молодежи, вѣнскаго университета, происходило броженіе. Ректоръ университета Маасенъ въ нижне-австрійскомъ сеймѣ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ негодованіе на агитацію централистовъ противъ учрежденія въ Вѣнѣ чешской школы и высказалъ, что національныя распри ни къ чему не ведутъ и что австрійскіе народы должны протянуть другъ другу руки. Нѣмецкая молодежь вознегодовала на ректора за эту рѣчь; собиралась толпами въ корридорахъ и на дворѣ университета и выражала свое негодованіе криками: „Прочь Маасена"! Полиція съ своей стороны собиралась также на университетской площади. Крупныхъ безпорядковъ не произошло, можетъ быть и потому, что 63 профессора вѣнскаго университета послали Маасену письмо, въ которомъ выразили, что не раздѣляютъ политическихъ и національныхъ мнѣній, высказанныхъ имъ на сеймѣ.

— Казначей бывшей ирландской земельной лиги, Эганъ, обнародовалъ отчетъ объ израсходованіи поступившихъ въ главную кассу лиги денежныхъ суммъ. Для цѣлей политической агитаціи земельною лигою собрано было болѣе 395,000 фунтовъ стерлинговъ, въ томъ числѣ 228,000 ф. стерлинговъ въ самой Ирландіи, 157,000 ф. ст. въ Америкѣ и 10,000 ф. ст. въ Австраліи. Судебное преслѣдованіе, возбужденное

въ 1880 году англійскимъ правительствомъ противъ Парнелля, обошлось лигѣ въ 21,000 ф. ст. Расходы на соотвѣтственное содержаніе агитаторовъ, сидѣвшихъ въ кильмэнгемской тюрьмѣ, исчислены въ 25,000 фунтовъ стерлинговъ. Политическая пропаганда въ округахъ поглотила 80,000 ф. ст. Дамская лига обошлась въ 36,000 ф. ст. Наиболѣе значительною оказалась статья „секретныхъ расходовъ"; она составила чуть не половину „политическаго" бюджета лиги. Ирландцы массами переселяются въ Америку. Англія готовится принять на себя посредничество между Франціею и Китаемъ, съ цѣлію склонить ихъ къ обоюднымъ уступкамъ. Англійское правительство надѣется, что его примѣру послѣдуютъ другія державы. Въ парламентской коммисіи обсуждался вопросъ объ умѣстности прорытія туннеля подъ Ламаншемъ. Двое экспертовъ въ своихъ докладахъ изложили противуположные другъ другу взгляды: генералъ, лордъ Уольсли высказался противъ прорытія туннеля, находя, что онъ можетъ служить удобнымъ путемъ для непріятельскаго вторженія въ Англію. Генералъ, сэръ Патрикъ Макъ-Дугалъ явился сторонникомъ тунелля, заявивъ, что соблюденіе со стороны Англіи самыхъ примитивныхъ мѣръ военной предосторожности сдѣлаетъ вторженіе непріятеля немыслимымъ. Отчетъ коммисіи будетъ внесенъ въ парламентъ.

— Стремленіе французовъ учредить протекторатъ надъ островомъ Мадагаскаромъ осуществился. Жители, испуганные появленіемъ войска на всѣхъ пунктахъ и дорогахъ къ столицѣ, готовятся принять предлагаемыя условія. Успѣхъ французовъ на Мадагаскарѣ повліялъ на положеніе дѣлъ въ Тонкинѣ. Воинственное настроеніе аннамскаго короля Ту-Дука и китайскаго правительства значительно поослабло. Правительство Небесной Имперіи ведетъ переговоры съ французскимъ посломъ Трику, а на обязанность послѣдняго возложена задача—приготовить Китай къ подтвержденію трактата, заключеннаго Франціею съ Аннамской имперіей.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Изъ сообщенія „Правительственнаго Вѣстника" о мѣрахъ, принятыхъ для истребленія саранчи видно, что ассигнованы на это дѣло казенныя суммы и командированъ генералъ-маіръ Шебеко.

— Высочайшимъ приказомъ, отъ 18-го іюня, с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ-лейтенантъ Грессеръ назначенъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ.

— Изъ Екатеринослава въ „Русскій Курьеръ" пишутъ, что часть выпущенныхъ, въ силу Высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы и исправительнаго арестантскаго отдѣленія арестантовъ вновь попалась, а нѣкоторые, получивъ свободу, ошиблись въ надеждѣ найдти какую-либо работу и сами просятся въ тюрьму.

— По словамъ „Оренбургскаго Листка", переселенцы не перестаютъ двигаться, и все туда же—въ Томскъ и на Амуръ. Народъ все бѣдный. Сколько же однако проявляетъ этотъ людъ энергіи и вѣры въ свою лучшую судьбу,—удивляться надо. Переселенцы ѣдутъ по желѣзной дорогѣ десятками вагоновъ въ одинъ поѣздъ.

— „Новости" сообщаютъ, что въ настоящее время, черезъ Петербургъ слѣдуютъ въ Сибирь большими партіями арестанты каторжнаго разряда, переводимые изъ Псковской каторжной тюрьмы въ такія же каторжныя тюрьмы Западной и Восточной Сибири. Надняхъ, какъ передаютъ „Петербургскому Листку", каторжники, пересылавшіеся въ числѣ около 50 человѣкъ, устроили такое буйство въ здѣшней тюрьмѣ, что, по распоряженію прокурора здѣшняго суда, нѣсколько человѣкъ каторжныхъ арестантовъ, болѣе виновныхъ въ буйствѣ, оставлены здѣсь до тѣхъ поръ, пока выяснится ихъ виновность, а остальные ихъ товарищи отправлены далѣе по назначенію. Буйство каторжниковъ состояло въ томъ, что они ночью, набросивъ на голову одного изъ своихъ товарищей арестантскій армякъ, принялись бить, его такъ немилосердно, что его, несчастнаго, какъ говорятъ еле живого отправили на другой день утромъ на излѣченіе въ больницу тюремнаго замка.

— Необходимыя распоряженія по отчужденію частныхъ владѣній, необходимыхъ для постройки сибирской желѣзной дороги, по словамъ „Berliner Börsen Courier", уже сдѣланы. Средства на постройку будутъ добыты путемъ заграничнаго займа.

— 13 іюня, въ первомъ часу пополудни, въ Большомъ дворцѣ, хивинскій ханъ Сеидъ-Магомедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ и сыновья бухарскаго эмира: наслѣдный принцъ Сеидъ-Миръ-Абдулъ-Ахадъ и братъ его, принцъ Сеидъ-Миръ-Мансуръ, учащіеся въ 6-мъ классѣ пажескаго корпуса, вмѣстѣ съ своими свитами поднесли Ихъ Императорскимъ Величествамъ различные подарки, которые были выставлены въ Петровской залѣ. Затѣмъ Сеидъ-Абадулъ-Агатъ-Ханъ, въ сопровожденіи перваго министра Дубинъ-Инакъ и почетнаго переводчика, полковника лейбъ-гвардіи атаманскаго полка, султана Вали-Хана, посѣтилъ часовню на мѣстѣ, гдѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II палъ жертвою взрыва. Затѣмъ бухарскій принцъ осматривалъ Лѣтній садъ, домъ Мурузи на Литейномъ проспектѣ, гдѣ прочиталъ арабскія надписи, и, наконецъ, Литейный мостъ. Онъ былъ удивленъ грандіозными размѣрами моста.

— „Новостямъ" сообщаютъ, что при азіятскомъ департаментѣ надняхъ учреждена спеціальная коммиссія по азіятскимъ дѣламъ и что нашъ посланникъ при китайскомъ дворѣ, тайный совѣтникъ Струве, отложилъ свой отъѣздъ въ Китай для того, чтобы присутствовать на первыхъ засѣданіяхъ вновь учрежденной коммиссіи.

— По словамъ „Русск. Курьера", въ Москвѣ проектируется учрежденіе „россійскаго восточнаго общества", цѣль котораго—изученіе быта и исторіи народовъ Востока. Говорятъ, что уже составленъ проектъ устава общества, находящійся въ настоящее время на разсмотрѣніи профессоровъ с.-петербургскаго университета, которые приглашены къ участію въ этомъ дѣлѣ.

— Въ Ригѣ, по словамъ мѣстнаго „Вѣстника", открылась надняхъ культурно-историческая, весьма любопытная и интересная выставка, устроенная обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній, подъ названіемъ культурно-исторической. Вся выставка состоитъ изъ 2,546 предметовъ, предложенныхъ осмотру и вниманію публики изъ музеевъ и архивовъ различныхъ обществъ, сословій и частныхъ лицъ: именно: дворянства, большой и малой гильдій, магистрата, общества черноголовыхъ, историческаго общества, городской библіотеки, городскаго минцъ-кабинета и др. Выставленные предметы раздѣлены на 17 отдѣловъ.

— Газета „Русь", опровергая толки иностранной печати о состоявшейся будто бы высылкѣ въ свое имѣніе московскаго городскаго головы Чичерина, за рѣчь, сказанную имъ на обѣдѣ городскихъ головъ, приводитъ и смыслъ самой рѣчи. Смыслъ рѣчи таковъ: „вотъ мы, земскіе люди, собрались теперь изъ разныхъ концовъ русской земли, благодаря радостному всенародному торжеству, но много-ли толку въ этомъ нашемъ собраніи и свиданіи, если оно не послужитъ „началомъ единенія между нами", если, разойдясь, опять пойдемъ мы по старому мыслить и дѣйствовать, кто въ лѣсъ, кто по дрова? Не отъ того-ли все и зло въ Россіи, что общество идетъ въ разбродъ? не отъ распутья-ли русской мысли сталъ возможнымъ у насъ тотъ ужасный нравственный недугъ, который опозорилъ Россію преступленіемъ 1-го марта, который вынуждаетъ насъ теперь „оберегать какъ зѣницу ока то, что намъ всего дороже, самую святыню русскаго народа, и радоваться, когда день прошелъ благополучно, тогда какъ все-бы должно быть исполнено довѣрія и любви?" Съ этимъ недугомъ одному правительству съ его внѣшними средствами, „безъ воздѣйствія самаго организма, безъ общественнаго содѣйствія и не сладить (оно и само это оффиціально заяв-

ляло). Его могутъ побороть только дружныя усилія земскихъ людей въ тѣхъ „самостоятельныхъ центрахъ жизни и дѣятельности, которые созданы по всей русской землѣ самимъ нашимъ правительствомъ“... „Мы по собственному почину должны сомкнуть наши ряды противъ враговъ общественнаго порядка“. Но какое-же можетъ быть тутъ дружное общественное содѣйствіе, когда мы, точно „разсыпанная храмина“, по выраженію Петра Великаго, ни къ какому единству мысли и направленія не пришли? Созови насъ правительство, обратись къ намъ за содѣйствіемъ (въ виду не только внутренняго положенія Россіи, но и возможныхъ въ недалекомъ будущемъ внѣшнихъ новыхъ испытаній),—что мы ему скажемъ? Заголосимъ опять въ разсыпную, каждый, что взбредетъ ему въ ту пору на умъ, не поработавъ мыслью, не обмѣнявшись ею напередъ, не провѣривъ ее какъ слѣдуетъ, и словно застигнутые врасплохъ, поднимемъ такой разноголосый хоръ совѣтовъ и мнѣній, что хоть уши затыкай!“

— Начальникъ духовной консисторіи въ Петроковѣ сообщилъ, по словамъ газеты „Tydzien“, всѣмъ духовнымъ лицамъ, живущимъ въ Петроковской губерніи, распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора, въ силу котораго духовенству возбраняется вмѣшательство въ дѣла гминнаго самоуправленія.

— Администрація высшихъ женскихъ курсовъ напечатала въ „Новостяхъ“ слѣдующее заявленіе:

„Лица, желающія поступить въ спеціальное математическое отдѣленіе высшихъ женскихъ курсовъ, должны сдать повѣрочное испытаніе изъ математики по программѣ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

„Лица, поступившія на первый курсъ математическаго отдѣленія, слушаютъ всѣ лекціи, читаемыя слушательницамъ 1-го курса естественнаго отдѣленія. По переходѣ же на второй курсъ, слушаютъ изъ лекцій, читаемыхъ по естественному отдѣленію, только химію, физику и физическую географію и астрономію.

„Математика будетъ читаться по слѣдующей программѣ: алгебра, тригонометрія, аналитическая геометрія, дополнительныя статьи къ алгебрѣ, основанія высшаго анализа и механика.

— По словамъ „Новаго Времени“, 15-го іюня, передъ открытіемъ засѣданія петербургской думы, между гласными распространился слухъ, что на утвержденіе М. М. Стасюлевича въ должности товарища городскаго головы согласія г. министра внутреннихъ дѣлъ не послѣдовало.

— „Русск. Вѣдомости“ сообщаютъ, что дѣлопроизводитель Императорскаго общества содѣйствія русскому торговому мореходству Хр. М. Вальдемаръ командируется нынѣшнимъ лѣтомъ, съ пособіемъ отъ правительства, заграницу, въ Швецію, Норвегію, Данію, Гамбургъ и Англію, для возможно полнаго ознакомленія: съ положеніемъ въ этихъ государствахъ дѣла мореходнаго судоустройства и обученія мореходному искусству, съ портовыми усовершенствованіями (элеваторы и пр.) и, главнымъ образомъ, съ положеніемъ морскаго рыболовства.

— „Новое Время“ сообщаетъ, что тюремное попечительство въ послѣднее время обратило серьезное вниманіе на то, чтобъ заключенные, могущіе впослѣдствіи подлежать отправкѣ въ Сибирь на поселеніе, были научены во время заключенія какому-либо мастерству или ремеслу.

— Какъ сообщаютъ „Новостямъ“, вопросъ объ отмѣнѣ воспрещенія усыновлять собственныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей будетъ окончательно рѣшенъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Нѣсколько дней тому назадъ, въ восьми верстахъ отъ станціи Батраки оренбургской желѣзной дороги, сильнымъ дождемъ размыта желѣзнодорожная насыпь на протяженіи четырнадцати саженъ.

— Высшія административныя власти, по словамъ газеты „Kurjer Warszawski“, поднимаютъ снова вопросъ о провинціальныхъ ремесленно-промысловыхъ выставкахъ; въ текущемъ году, въ разныхъ губерніяхъ будетъ устроено нѣсколько подобныхъ выставокъ.

— 16 іюня открыты новые Сяській и Свирскій каналы въ присутствіи Ихъ Величествъ. Церемонія происходила при устьѣ Свири, при многочисленномъ стеченіи народа. Для мѣстнаго населенія событіе это представляетъ настоящее торжество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Считаемъ необходимымъ исправить значительную ошибку, вкравшуюся въ прошедшій № 24 «Восточнаго Обозрѣнія». Въ стихотвореніи «Подростающимъ землячкамъ» г. Омулевскаго, по недосмотру корректора, пропущены слѣдующія четыре строки послѣ 8-го куплета:

«Не намъ судить свои дѣла
И мы не ждемъ иной награды
Помимо той, чтобъ ты цвѣла,
Земля родная, безъ преграды!»

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МАГАЗИНЪ УЧЕБНЫХЪ КНИГЪ и ПОСОБІЙ.

«С. Г. Александрова и бр. Смородиниковыхъ»

Въ г. Омскѣ.

Выполняетъ **по столичнымъ цѣнамъ** требованія

Гг. иногородныхъ по выпискѣ всевозможныхъ книгъ.

Большой запасъ учебниковъ по программамъ всѣхъ учебныхъ заведеній

СИБИРИ и ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

ТАКЖЕ РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ, УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ, ПИСЬМЕННЫХЪ И ЧЕРТЕЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНІЯ.

(КЪ 300-ЛѢТІЮ СИБИРИ).

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

1882 г.

Цѣна 3 руб.

Подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“, выписывающіе эту книгу черезъ редакцію, пользуются уступкой 20%.

РУССКАЯ ОБЩИНА ВЪ ТЮРЬМѢ И ССЫЛКѢ.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ контору „Восточнаго Обозрѣнія“.

Судъ надъ полковникомъ **Сосновскимъ. П. Я. Пясецкаго.** Цѣна **75** коп. Изданіе пожертвовано въ пользу Общ. вспомощ. студент. С.-Петербургскаго университета.

Складъ изданія въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», въ книжн. магаз. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., д. 7, и въ конторѣ редакціи „Восточнаго Обозрѣнія“. Надеждинская, д. 19, кв. 32.

Въ Москвѣ въ складѣ при университетской типографіи (Катковъ и Комп.), на Страстномъ бульварѣ.

С.-Петербургъ, Типографія К. Д. Кесневиля, Надеждинская, д. № 39. Редакторъ-Издатель Н. М. Ядринцевъ.